

Я. С. ЛУРЬЕ

Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в.

I

Книгописец конца XV в. Ефросин, с именем которого связано несколько рукописных сборников Кирилло-Белозерского собрания (ныне в ГПБ), — фигура, почти не отмеченная в литературоведении и историографии. Имя Ефросина упоминалось в научной литературе всего несколько раз — в библиографических описаниях его сборников. Сборникам этим посчастливилось несравненно больше, чем их создателю. Особенно широко отмечен в научной литературе один из них — сборник Кир.-Бел. 9/1086 (далее: КБ-9), содержащий «Хожение» игумена Даниила, «Задонщину» и много других важных литературных и исторических памятников. Уже в 1858 г. известный археограф архимандрит Варлаам подробно описал этот сборник;¹ упоминали о нем и другие авторы, занимавшиеся «Хожением» Даниила,² но ни один из них не знал имени Ефросина, — в сборнике КБ-9 имя переписчика не было названо. Впервые имя Ефросина как книгописца появляется в работе Н. В. Рузского, который также исследовал «Хожение», но на этот раз не только по списку КБ-9, но и по списку Кир.-Бел. 11/1088 (далее: КБ-11). Почерк КБ-11 совпадает с почерком основной части КБ-9, а в КБ-11 имя писца, «грешного Ефросина», названо. Н. В. Рузский сделал отсюда естественный вывод, что и в КБ-9 «почерк открывает руку писавшего, именно Ефросина».³ Вновь имя Ефросина было упомянуто Н. К. Никольским, издавшим древнее (конца XV в.) описание сборников Кирилло-Белозерского монастыря, где упоминались три «сборника» и «потребник» Ефросина. Н. К. Никольский отождествил упомянутого в описании Ефросина с Ефросином, переписавшим дошедшие до нас кирилло-белозерские сборники, и предположил, что «потребник» Ефросина — это третий сохранившийся кирилловский сборник, написанный (в основной части) рукой Ефросина и имеющий прямое указание на его имя, — Кир.-Бел. 6/1083 (далее: КБ-6).⁴

¹ Варлаам. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря. — Ученые записки II отделения Академии наук, кн. V. СПб., 1858.

² А. С. Норов. Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в. СПб., 1864, стр. XI; М. А. Веневитинов. Хождение игумена Даниила в Святую землю в половине XII в. — ЛЗАК, 1884, вып. VII, стр. 10, 75, 142.

³ Н. В. Рузский. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Святую землю русского игумена Даниила в начале XII в. — ЧОИДР, 1891, кн. III, отд. II, стр. 9—26.

⁴ Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. Изд. ОЛДП, вып. СХІІІ. СПб., 1897, стр. 8, ср. стр. XLIV.

Вводя имя Ефросина в литературоведческую науку, ни Н. В. Рузский, ни Н. К. Никольский не пытались как-либо охарактеризовать этого книгописца. Не сделал этого и М. Н. Сперанский, обратившийся к сборникам Ефросина при издании «Псалтыри» Федора еврея по рукописям КБ-9 и КБ-6.⁵ Хотя М. Н. Сперанский придавал издаваемому им памятнику вполне определенный смысл, связывая его с так называемой ересью «жидовствующих» (новгородско-московской ересью конца XV в.), но он не сделал никаких выводов из того любопытного факта, что оба дошедших до нас списка находились в составе сборников, основная часть которых (хотя и не самый текст «Псалтыри») была написана Ефросином. Ничего не сказал о Ефросине и П. К. Симоны в своем исследовании «Задонщины» по списку КБ-9; он указал только, что «кто был означенный Ефросин писец — и владетель рукописи — трудно установить».⁶ Несколько более подробно охарактеризовал Ефросина А. Д. Седельников при описании рукописи КБ-11 (в связи с «Повестью о Дракуле», входящей в эту рукопись): он назвал Ефросина «замечательным в своем роде переписчиком», составителем «трех интереснейших „ефросиновских“ сборников».⁷

Интерес исследователей к ефросиновским сборникам вполне оправдан: сборники эти чрезвычайно богаты по своему содержанию и включают десятки памятников первостепенного литературного и исторического значения. И уже это богатство ефросиновских сборников делает желательным специальное исследование литературной деятельности их составителя.

Главным источником для такого исследования должны служить, естественно, самые сборники. Три «ефросиновских сборника» мы уже упомянули: КБ-9, КБ-11 и КБ-6. Кирилло-белозерские сборники по своему формату (8°) и виду сходны между собой. Из этих сборников почти полностью написан Ефросином КБ-11. Только начальные листы сборника — лл. 7—18 (лл. 1—6 чистые) и л. 389 написаны другой рукой; вся остальная рукопись написана «грешным Ефросином», трижды назвавшим здесь свое имя. Сборники КБ-9 и КБ-6 написаны разными лицами, но основным почерком и здесь является почерк Ефросина, и целый ряд признаков позволяет заключить, что Ефросин был не только одним из переписчиков сборников, но и их составителем. Ефросину принадлежит общая нумерация листов (по тетрадам и по количеству листов в каждой статье) в сборниках; эта нумерация относится и к листам, которые писал сам Ефросин, и к листам, написанным другими писцами.⁸ Ефросин считал, например, количество листов в «Псалтыри» Федора в КБ-9 и КБ-6.⁹ Ему принадлежал ряд очень характерных записей и комментариев к памятникам, переписанным в сборниках другими

⁵ М. Н. Сперанский. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора еврея. — ЧОИДР, 1907, кн. II, стр. 20 и сл.

⁶ П. Симоны. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, вып. III. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий — СОРЯС, т. С, 1922, № 2 (далее; П. Симоны. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий), стр. 5.

⁷ А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле. — ИпоРЯС, т. II, л., 1929, стр. 626.

⁸ Счет тетрадам (от 1-й до 56-й) проходит через всю рукопись КБ-9: л. 9 об., 20 об., 32 об., 42 об. и так далее через каждые 10 листов (после л. 132 об. интервал в 10 листов опять несколько раз нарушается; последняя помета «56» на л. 564 об.); на лл. 244 об., 298 об., 481 об., 489 об., 497 об., 505 об., 513 об., 538 об., 548 об., 556 об., 564 об. счет этот приходит по листам, писанным не Ефросином. Ср.: КБ-6, лл. 14 об., 28 об., 38 об., 48 об. и т. д. (на л. 146 об. помечено «12»; на л. 209 об. — «13»; далее счет листов обрывается); значительная часть этих листов — не Ефросина. Ср. ссылку Ефросина на этот счет на л. 271 (на поле).

⁹ КБ-9, л. 532: «35 лист[ов]»; КБ-6, л. 250: «26 лист[ов]». Указания на количество листов в статье ср. также: КБ-9, л. 122 («Задонщина»); КБ-6, лл. 21, 309, 318.

лицами. Так, в начальной части сборника КБ-6 все заголовки и пояснения к молитвам, написанным другой рукой, внесены почерком Ефросина: им же проставлен на полях счет молитв и сделаны многочисленные поправки и дополнения;¹⁰ далее, им же непосредственно продолжен текст, начатый другой рукой.¹¹ С аналогичной редакторской работой Ефросина мы встречаемся в КБ-6 и далее.¹² То же явление наблюдается в КБ-9: текст на лл. 237—252 об. здесь также исправлен и прокомментирован Ефросином; в тексте хронографической редакции «Александрии», содержащемся в этом сборнике, Ефросином сделано очень характерное для него пояснение на полях,¹³ кто такие «рахманы», встретившиеся Александру Македонскому (мы еще вернемся к этому комментарию); в другом месте Ефросин дал заглавие помещенному в этом сборнике посланию Феофила Дедеркина великому князю Василию Васильевичу «из Заримья из латыны»; текст послания написан не Ефросином, но ему принадлежит сделанный на полях счет погибших в «Заримьи» городов.¹⁴

Перед нами, таким образом, не сборные рукописи и не сборники, просто написанные разными лицами, а именно произведения единой мастерской, своеобразного «скриптория», сделанные под руководством одного лица. Ефросин переписал основную часть всех этих сборников и полностью отредактировал их. Он же, очевидно, и подобрал тексты сборников, весьма своеобразных по составу, как мы убедимся ниже.

Рукописи КБ-9, КБ-11 и КБ-6 уже известны в литературе как «ефросиновские сборники» и имеют научные описания (описания эти, правда, далеко не полны, и нам пришлось аннотировать многие памятники, содержащиеся в кирилловских сборниках). Но существует еще одна кирилло-белозерская рукопись Ефросина, нигде не описанная. Это сборник ГПБ, Кир.-Бел. 22/1099 (далее: КБ-22).

По своим палеографическим особенностям сборник КБ-22 очень близок к другим кирилло-белозерским ефросиновским сборникам. Это также рукопись формата в 8° с водяными знаками 60—70-х годов XV в. (бык, петух, голова быка с крестом над рогами и др.),¹⁵ встречающимися на бумаге других кирилло-белозерских сборников (например, КБ-9).¹⁶ Но главная особенность сборника КБ-22, дающая основание для его атрибуции, это, конечно, почерк. На почерк этого списка уже обратил внимание Н. К. Никольский. В примечании к тому месту изданной им описи кирилло-белозерских книг XV в., где говорится о «сборниках Ефросина», он указал: «почерк Ефросина, жившего в конце XV века, можно видеть в рукописи

¹⁰ КБ-6, лл. 19—58.

¹¹ КБ-6, л. 59.

¹² КБ-6, лл. 178, 300. На л. 308 об. чужой текст продолжен Ефросином. Текст на л. 397 написан другим почерком; текст на л. 397 об. написан Ефросином.

¹³ КБ-9, л. 480.

¹⁴ КБ-9, лл. 517 об.—518. Совершенно неправ П. Симони, полагающий, что текст послания написан позднейшим почерком (П. Симони. Законщины по спискам XV—XVIII столетий, стр. 13): и почерк, и водяной знак этих листов (тиара) современны Ефросину.

¹⁵ Бык на лл. 6—8, 13, 37, 42, 127, 130, 133, 150, 151, 154, 167, 197, 200, 204, 207, 245, 248, 250, 261, 266, 267, 268, 272, 281, 285, 287/2 (ср.: Брике, № 2792); петух на л. 108 (ср.: Брике, № 4479; Лихачев, Вод. зн., № 2646); голова быка с крестом над рогами на лл. 30, 36, 217, 304, 305; голова быка с розеткой на лл. 463, 464; гроздь винограда на лл. 170, 171, 484, 489, 490. Наиболее важно для датировки изображение петуха, так как оно вообще редко, а на русских бумагах особенно. Изображение петуха этого типа датируется 70-ми годами XV в. (ср.: Лихачев, Вод. зн., т. II, стр. 329—330). Приводим всюду верхнюю пагинацию листов

¹⁶ Ср.: КБ-9, лл. 18 (бык), 104, 106, 107, 110, 120, 121, 132, 143 (петух), 204, 210, 211, 216 (голова быка).

Кирилло-белозерской библиотеки № 22-1099».¹⁷ Действительно, основная часть сборника КБ-22 написана почерком Ефросина со всеми характерными особенностями — острым угловатым написанием ряда букв (Ѡ, Ѱ, Ѡ с длинной правой чертой, спускающейся под строку, вилообразное У, специфическое З с длинным хвостом и т. д.).¹⁸ Ефросину принадлежит текст на лл 1—46 об., 89—198 об., 200 об.—273 об., 282—375 об., 385—448 об., 480—481 об., 506—519 (всего 402 листа из 519 листов рукописи). Большая часть этого текста написана очень мелко и убористо (его надо сопоставлять поэтому с аналогичными мелко написанными текстами Ефросина в других его рукописях),¹⁹ хотя формат почерка иногда меняется в пределах одного памятника²⁰ и в нескольких местах почерк становится довольно крупным.²¹ Как и в других кирилло-белозерских рукописях Ефросин делал в сборнике КБ-22 исправления и пометки на текстах, написанных другим почерком (например, на поле «Сказания об антихристе»);²² он пронумеровал листы по тетрадам и отдельным памятникам²³ и в нескольких местах непосредственно продолжил чужой текст.²⁴

О принадлежности Ефросину свидетельствует и состав сборника КБ-22. Состав этот весьма интересен: литературные памятники, в особенности памятники «отреченной литературы», находящиеся здесь, несколько раз обращали на себя внимание исследователей и публиковались по данной рукописи («Пророка Ездры творение»,²⁵ «О часах добрых и злых»,²⁶ «Сны Шахаиши»,²⁷ притча из «Варлаама и Иоасафа»²⁸), но сборник в целом никогда не был предметом специального рассмотрения. Мы не имеем возможности привести его описание и здесь; дальнейшее изложение даст некоторое представление о наиболее интересных статьях сборника.

Сравнивая сборник КБ-22 с описанными ранее ефросиновскими сборниками, мы не можем не отметить большой тематической близости между ними. Верность определенным темам — вообще характерная черта Ефросина как книгописца; в своих сборниках он постоянно возвращался к одним и тем же сюжетам, иногда подбирая различные произведения на одну тему (напр. о «злых женах»),²⁹ иногда помещая в разных сборниках отдельные части одного памятника (например, Толковой Палеи), а иногда даже повто-

¹⁷ Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века, стр. 8, примечание к № 107.

¹⁸ Особенности этого почерка (не зная о его принадлежности Ефросину) охарактеризовал Варлаам при описании рукописи КБ-9 (Варлаам. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря, стр. 2—3).

¹⁹ Ср., например: КБ-9, лл. 254—258, 270—273; КБ-6, лл. 212—228 об., 347—349; КБ-11, л. 195—195 об. Ср. рис. 1 и 2.

²⁰ Ср. КБ-22, лл. 206—214, 324 об.—330, 372 об.—375 об.

²¹ КБ-22, лл. 350—359 об. Ср. рис. 3 и 4.

²² КБ-22, л. 468, ср. лл. 274 об.—276 об., 279 об.—280, 449, 451, 462, 464 об., 482, 501 об.

²³ Счет по тетрадам (с пропусками) см. на лл. 11 об., 92 об., 121 об., 133 об., 145 об. и др. На лл. 279 об., 456 об., 464 об., 472 об., 489 об., 497 об. и 505 об. этот счет проходит по листам, написанным другим почерком. Счет листов в отдельных памятниках (в том числе переписанных не Ефросином) см. на лл. 75, 78 об., 243, 449.

²⁴ КБ-22, лл. 200 об., 281 об.—282, 480. На л. 273 об. другой писец продолжил текст, писанный Ефросином.

²⁵ Памятники отреченной русской литературы, изд. Н. Тихонравовым, т. II, М., 1863, стр. 377.

²⁶ Там же, стр. 382.

²⁷ А. Н. Веселовский. Слово о 12 снах Шахаиши по рукописи XV века. — СОРЯС, т. XX, 1879, № 2, стр. 4—10.

²⁸ А. Н. Веселовский. О славянской редакции одного аполога Варлаама и Иоасафа. — СОРЯС, т. XX, 1879, № 3, стр. 3—4.

²⁹ КБ-9, лл. 115—122; КБ-6, лл. 117—120 об.; КБ-11, л. 500—500 об.; КБ-22, л. 511—511 об.

и не маи еста сенима. Б е с б а н р е
 а ж и т и е с т о а н е а т о а х в и ш е к н и
 а . и с р у н а т о о у м н а е н и а . ш а е у а н р а м и с и
 Д е с б и с и . с н з ф и н и т т а н а . е с б е р
 с т в и а в с т р а м т з . и в с и н з и н и т о
 и с н о н и ш а е м о у . Е н и н и н а т о м а р е ц и
 н е п р и ш а е т о . н и ж е н з с и с е и р т о .
 н а т о м о у р е ц и в о к р а т ь е ж т а с т и
 с м о т а т а н а н а б с б р з с т а н а н р м и
 т а т о (а н е п т а ш а а л е с к а н а р о у
 ц р и . и м а ш е к е а л е с с а н а р а е н о у
 А ц р е . и м н о т о ш е н е в о а ш е . е т а
 п р и м з г р а с т о р а . и р а з в и
 в а р о у с а ш а н с к в и . и т р и ш а з в и
 в а н е а а а р з . п р и к о в а б и а е к с и с о
 к а к о у р а ц и н и т о р а ш а s a r a .
 и е а н д з е а о п о у л z . п р и м з р а в о u
 с о у ш е н о u . и н а e в a a б т о n . а н и
 з м в i e . и ш e p б т e i z o p d m a b . и
 в м а т н о у р а в о u ш o u . ш а н а к e u
 ж а ш а и o y a p и в o a o y . и т z б o r a
 ш e п o r o a m d i c a a a a p . и т p i n a e
 л а н o ш a c t b ш o . и в z z e c t ш и a

се же сотвори по въ хота ш бразъ в преда
 ти емоу и млтвѣ оусатъ творити на шнѣ
 ю. и сотвори млтвѣ оу ш презвитерѣ
 и оумилса въ себѣ глаше. шиса днннн
 аше за и еред млтвѣ оу. а се бе рѣ бл
 не молиши ли са. сотвори же сей за са
 млтвѣ оу. тѣкоже створи повсе кне
 лють ора по вса моши дѣ бл млтвѣ
 единоу за са а а роу гоу ю за по д.
 и въ а роу гоу ю не лю и дѣ и по въ в
 чрѣ въ. ви дѣ дѣ моны а ра хлы
 стояща дѣ нѣ келіа вратна ра
 з оумѣ въ по въ яко млтвѣ оу бра
 тнею а ра хлы бы ша дѣ бѣ си. и ра въ
 бы въ гладе моу. брате сотвори
 любовь. приложи млтвѣ оу а роу
 гоу ш мнѣ. и въ ше дѣ въ келію на
 оу и не лѣ ни ти са моу а ста мо
 ли ти са. дѣ бл мони же ви дѣ въ ше
 пре бы в а ю щѣ млтвѣ а хъ. и про
 жа ю щѣ са къ въ оу. ш бѣ то шѣ ш
 не то въ кѣ іе ю в лѣ тѣ ю: слово ш пра
 вѣ и ш не правѣ. а прѣ бл. ш
 П ерво еса творен а бѣ и правѣ а бѣ
 мѣ въ у лѣ чѣ хъ. пото мже ш не
 при а з мен а оума въ ста не пра
 вѣ а. и н а у а б о ро пи са въ у лѣ чѣ.

Рис. 2 — ГПБ, Кир.-Бел. 6/1083, л. 347 об. (увеличено).

иже и подвѣю днѣю дружимо
 а ссвоуды принесею. и подвѣю
 днѣю поуи шѣ дѣ дивный и той
 икономъ. гоу единотона оупо
 въ днѣ въ семъ шѣ ето: слово
 стѣго ефрема шроу сали ^{рекше} шѣскомра
Нифонтъ и въ стѣ шѣ ншъ ^{се}
 въ мнѣ шѣ юны шѣ рсты. а бры
 хже прилежа дѣлъ. и заповѣди
 бѣсидутн охрана. многы проу
 дѣи въ оудержаніемъ. постоже
 и бѣнїемъ и мѣтѣами. сему
 и сстоупи дѣа шѣ во оумъ. и по
 брелѣтѣ манѣ бѣтѣю въ стѣ шѣ
 фондѣ стѣ бѣсидѣ шѣ бѣ дѣнѣ
 дѣра. іакѣ шѣ бѣ дѣ шѣ тайма іа
 у лѣвѣскы. и свѣтѣлы іа шѣ
 вѣсѣ дѣ о вѣ шѣ. бѣ бѣ шѣ шѣ шѣ
 вѣ стѣ шѣ и дѣ шѣ. соудѣ шѣ шѣ

444
НИМА СОІАДЕНІА. НИСОЛИ. НИЦРА.
НИСОУПЛИ. НИПРОДАЖИ. СВ^{НИ}ДРОУ.
НИБОА. НИЗДВИСТИ. НИВЕЛМОЖЬ
НИПАТБЫ. НИРАДЗВОА. НИИТРА.
НИНАД СЫЩЕНІЕ ТЕКСОУТЬ. ПОМО
КРАГОЙ СЛАКАТЯ ДОЯСА И ДОБРАГО
НА СЫЩАЮТСА. И ВСА КІА БОЛЪ
ЗНИИ ПЛѢНІА КРОМѢ С^МОУ. И МДО
ШОЩА И СЛАКІА ВОДЫ ПРИИМѢ^М.
И ВѢРОУЮТЬ ИСКРЕНО КЪ БОУ. И БЕ
СТРЕСТАНИ МОЛАТСА. И МОУЖІЕ
ОУБОНА ЕДИНО И СТРАНѢ ШІКІА НА
ЯКИШ ОУТЬ. ЖЕНЫ ЖЕ ИХЪ ШОБОНЪ
ПОЛЪ РѢКЪ ЯКИШ ОУТЬ ТЛЕМЪ ІА
ГАЛЫ, И ЖЕ ТЕУЕТЬ ШОШІА И ШІКО
СТРАНѢ И НА ДІИСТѢИ. ПРХОАА
ПЯСЕ ОУБО МОУЖІЕ КЪ ЖЕНАМЪ
СВОИМЪ МЦА ІЮЛА. А ДА ВТОУ.
ІА НИХЪ ЖЕ СОУЩИСЛНЦ ОУІЕНАМЪ,
И КОШТА КОУХО ДА ЦОУ. И БОМО

ря по несколько раз целые произведения и отрывки из них. Сборник КБ-22, как и сборники КБ-9 и КБ-11, содержит отрывки из Палей, в том числе и помещенные в КБ-11 тексты о Давиде, Соломоне³⁰ и о чаше Соломона,³¹ близкий к Палее рассказ о Навуходоносоре,³² отрывки «О широте и долготе земли»,³³ «О величестве солнца и луны»,³⁴ «О часах семи тысяч»;³⁵ читается здесь «Слово Симеона епископа Тферьскаго» князю Константину Полоцкому, помещенное и в КБ-9;³⁶ в обоих сборниках приведены отрывки из «Зерцала» — «Диоптры» Филиппа.³⁷ Сближает сборник КБ-22 со сборником КБ-9 и интерес к истории татарских нашествий. В КБ-9 помещен, вслед за «Задонщиной», хронологический перечень татарских нашествий;³⁸ аналогичный (хотя и не совпадающий полностью) перечень помещен и в КБ-22.³⁹ При этом особенно знаменательно одно совпадение. Исследователи уже обратили внимание на характерное словоупотребление, свойственное тексту КБ-9: говоря о татарских нашествиях, сборник КБ-9 употребляет термины «Мамаевщина», «Задонщина», «Тактамышевщина» — названия, особенно интересные в связи с тем, что именно и только в этой рукописи «Писание Софония старца рязанца» имеет второе название — «Задонщина».⁴⁰ Обратившись к сборнику КБ-22, мы находим на поле запись (сделанную тем же ефросиновским почерком): «за Доном Моматяковщина» — уже знакомое нам выражение и тоже относительно татарского нашествия.⁴¹

Существует, наконец, и еще одно доказательство принадлежности сборника КБ-22 Ефросину. Ефросин не только любил возвращаться к одним и тем же темам и памятникам, но охотно сам отмечал эти возвращения, давая ссылки (в тексте и на полях) на другие страницы данного сборника⁴² или на другие сборники. Такие ссылки мы встречаем, например, в наиболее позднем из сборников Ефросина — КБ-11; одна из них особенно любопытна. Она содержится в статье «Како подобает креститися рукою», основанной на сочинениях византийских богословов Феодорита и Мелентия; закончив эту статью, составитель указывает: «ины два слова писаны во книзе, иде же сначала летописець».⁴³ В сборниках КБ-6 и КБ-9 нет летописца в начале и нет соответствующих статей. Зато в начале сборника КБ-22 читается летописец (л. 4 об.—15); а внутри сборника мы обнаруживаем как раз две статьи о крестном знамении: «От Феодорита. Сице благословити рукою и крестити...» и «Слово о крестящихся».⁴⁴

Итак, мы имеем основания говорить о четырех кирилло-белозерских сборниках, написанных рукой Ефросина, по его инициативе и под непосредственным руководством. Рука Ефросина может быть обнаружена и в других

³⁰ КБ-22, лл. 17—17 об., 18 об., 35; КБ-11, лл. 230 об.—231, 232, 230—230 об., 231 об.—232.

³¹ КБ-22, л. 513; КБ-11, лл. 228 об.—230.

³² КБ-22, лл. 428 об.—430; ср.: КБ-11, лл. 329—336 об.

³³ КБ-22, лл. 208 об.—209, 481 об.; КБ-11, л. 228—228 об.

³⁴ КБ-22, л. 513 об.; КБ-11, лл. 227 об.—228.

³⁵ КБ-22, л. 375; КБ-11, лл. 232 об.—233.

³⁶ КБ-22, лл. 107 об.—108 об.; КБ-9, лл. 526 об.—527 об.

³⁷ КБ-22, л. 205—205 об.; ср.: КБ-9, лл. 265 об.—268 об.

³⁸ КБ-9, л. 129—129 об.

³⁹ КБ-22, л. 440—440 об.

⁴⁰ КБ-9, л. 129—129 об.; ср.: В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания. — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 196.

⁴¹ КБ-22, л. 164 об.

⁴² КБ-6, л. 78 об.; КБ-9, л. 318; КБ-22, лл. 32 об., 196 об.; КБ-11, л. 242, ср. л. 228—228 об.

⁴³ КБ-11, л. 265 об.

⁴⁴ КБ-22, лл. 321—322.

рукописях. Ефросином, судя по почерку, переписана часть текста в сборнике игумена Игнатия — ГПБ, Кир.-Бел. 53/1130 (Апокалипсис и ряд «Синаксарей»).⁴⁷ Рукой «грешного попа Ефросина» (как сказано в приписках к тексту) полностью написан сборник «Синаксарей», сохранившийся в ГИМ, Увар. 894;⁴⁶ сопоставление с известными нам рукописями не оставляет сомнений в том, что это тот же Ефросин, который писал известные нам кирилло-белозерские рукописи.⁴⁷

Какие факты биографии Ефросина могут быть извлечены из его рукописей? Многочисленные пометы Ефросина на его сборниках прежде всего дают возможность датировать эти сборники.⁴⁸ Наиболее раннюю дату — июль 6971 (1463) г. — мы читаем в записи Ефросина на поле переписанного им текста сборника игумена Игнатия;⁴⁹ но так как сам этот игумен занимал свой пост с 1471 по 1475 г., то очевидно, что сборник в целом составлен уже в начале 70-х годов. Сборник Увар. 894 имеет целый ряд пометок с датами окончания отдельных частей — с января 6981 (1473) по апрель 6985 (1477) г. включительно.⁵⁰ Близок по времени к нему и сборник КБ-22. В сборнике нет записей с датой, но датировка сборника может быть уточнена на основании его текста: здесь содержится перечень игуменов Троице-Сергиева монастыря, доведенный до игумена Авраамия (1475—1478).⁵¹ Рукопись КБ-6 имеет две пометы — апреля 6984 (1476) г. и апреля 6990 (1482) г.; сборник, следовательно, писался не менее шести лет и был окончен во всяком случае после 1482 г.⁵² Еще длительнее была работа над КБ-9: во второй половине рукописи мы читаем пометы февраля и марта 6978 (1471) г. и мая 6979 (1471) г.,⁵³ а в начальной части рукописи — сентябрь 6984 (1475) и 8 сентября 6988 (1479) г. (столетие «боя за Доном» — Куликовской битвы).⁵⁴ Материал для сборника подготавливался, таким образом, в течение почти десяти лет и не ранее 1479 г. переплетен в единый сборник, но не в порядке первоначального написания статей (первоначальный счет

⁴⁵ Этот сборник под названием «четвертого сборника» игумена Игнатия был полностью расписан в древнем описании конца XV в.; научное описание его дано Н. К. Никольским (Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века, стр. 137—142, 174—176, 279—287). Рукой Ефросина написан текст Кир.-Бел. 53/1130, лл. 130—155 об., 195 об.—318.

⁴⁶ Архим. Леонид. Систематическое описание рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. 1. М., 1893, стр. 474, № 338 (894) (365). — Предположение о принадлежности этой рукописи кирилло-белозерскому писцу Ефросину высказывал М. Н. Сперанский (М. Н. Сперанский. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора еврея, стр. 34, прим. 2), но он неточно указал шифр рукописи (Царского № 361 вместо № 365). В Увар. 894, как и в других рукописях Ефросина, им проставлен счет листов по тетрадам, а в конце сделана запись «тетради 64 без листа, а листов 600 и 40 без листа, а в тетради по 10-ти листов» (л. 638 об.).

⁴⁷ Т. Н. Копреева (которая также, на основании почерка, считает сборник КБ-22 принадлежащим Ефросину) любезно указала нам еще один текст Ефросина — листки со стихирами, вpletенные в сборник ГПБ, Кир.-Бел. 306/563, лл. 310—311 об., и листок в 8^о (весь сборник в 4^о), вpletенный между лл. 306 и 307.

⁴⁸ В сборниках Ефросина, помимо приведенных выше, содержится еще множество дат без года (число и месяц), бесполезных для нас при датировке рукописей (ср. примеры из КБ-9. Н. В. Рузский. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Святую землю русского игумена Даниила в начале XII в., стр. 20).

⁴⁹ ГПБ, Кир.-Бел. 53/1130, л. 155 об.

⁵⁰ ГИМ, Увар 894, лл. 161, 219, 411, 487 об. («в лето 6985 дек. 21»; в описании не отмечено), 507, 515 (в описании не отмечено), 520, 535, 543, 637.

⁵¹ КБ-22, л. 163 об. (на поле); ср.: А. Н. Веселовский. Слово о 12 снах царя Шаханши по рукописи XV века, стр. 2—3.

⁵² КБ-6, лл. 78 об., 218.

⁵³ КБ-9, лл. 320, 357 и 454; к 1470 г., вероятно, относится запись на л. 380 об. (16 марта) и на л. 448 об. (20 апреля).

⁵⁴ КБ-9, лл. 137, 262 об.

листов, начинавшийся с л. 320, был переделан Ефросином на новый).⁵⁵ И, наконец, наиболее поздним из известных нам ефросиновских сборников является КБ-11. Датируется этот сборник на основании двух записей: на обороте миниатюры, изображающей Александра Македонского — «в лето 7000-е ок[тября] 20 [1491] сей Александр написан бысть Ефремом Ефросину»; по окончании «Повести о Дракуле» — «... в лето 6998 генваря 28 [1490] в другое переписах аз грешны Ефросини». ⁵⁶ Написанный не ранее начала 90-х годов XV в. сборник КБ-11 содержал прямые ссылки на более ранние сборники. Мы уже отмечали ссылку на книгу «идеже с начала летописець» (КБ-22). Сходные отсылки встречаются и в тексте Палеи: один из судов Соломона) переписчик предлагает читателю прочитать до конца «в книзе, иде же от Палеи же писано», чтобы узнать, в чем заключалось испытание Соломоном «смысла женского», читатель также должен прочитать его «в книзе, в Страннике». ⁵⁷ Первая из названных здесь книг — это также, очевидно, КБ-22, где действительно приведены тексты из Палеи, и в том числе соответствующий рассказ; ⁵⁸ «книга Странник» — сборник КБ-9, содержащий «Странник» («Хожение») Даниила и «Слово о добрых женах и злых», в котором приводится рассказ об испытании Соломоном женской верности. ⁵⁹ Но в сборнике КБ-11 имеются ссылки не только на известные нам ефросиновские рукописи. В приписке к «Повести о Дракуле» Ефросин указывает еще, что эту повесть он «в лето 6994 февраля 13 [1486] прежде писал; сходная приписка — «впервыи писал в лето 6986 [1477] ок[тября]» ⁶⁰ — сделана и к «Сказанию о 12 пятницах». Ясно, что обе эти даты относятся не к данному сборнику, а к другому, более раннему (или более ранним); поскольку в известных нам остальных рукописях Ефросина этих памятников нет, приходится предполагать существование не дошедших до нас сборников. О каких-то ефросиновских сборниках, помимо известных нам пяти, свидетельствует и опубликованное Н. К. Никольским древнее описание сборника Кирилло-Белозерского монастыря. Там подробно расписаны по статьям три «сборника» Ефросина — ни один из них не совпадает с известными нам рукописями (со сборником КБ-6 может быть отождествлен только «потребник» Ефросина, не расписанный в описании); можно полагать поэтому, что и это были не дошедшие до нас рукописи нашего книгописца. ⁶¹

Сборники Ефросина позволяют определить не только время, но и место его деятельности. Ближе всего эти сборники связаны с Кирилло-Белозерским монастырем, где все они, кроме одного, и сохранились. В КБ-9 и в КБ-22 мы несколько раз читаем указания, что приведенные там тексты вписаны из «устава Кириллова». ⁶² В Увар. 894 по окончании текста Федора

⁵⁵ Ср. полуустертый счет тетрадей 1 и 2 на лл. 331 об., 341 об. На это обстоятельство уже обратил внимание Н. В. Рузский (Н. В. Рузский. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хожение в Святую землю русского игумена Даниила в начале XII в., стр. 19—20, прим. 2).

⁵⁶ КБ-11, лл. 19, 217.

⁵⁷ КБ-11, лл. 268 об., 271.

⁵⁸ КБ-22, л. 18 об.; такой же рассказ есть, однако, и в КБ-11, л. 230—230 об.

⁵⁹ КБ-9, лл. 118—119 об.; текст этот издан П. Симони (Задонщины по спискам XV—XVIII столетий, стр. 8—9).

⁶⁰ КБ-11, лл. 217, 235.

⁶¹ Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века, стр. 8, 154, 157. — Заметим, кстати, что помимо Ефросина — составителя трех подробно расписанных «сборников», в «описи» упоминается еще Ефросин Ляпун — составитель двух «книг» (там же, стр. 10).

⁶² КБ-9, лл. 226, 411 об.; КБ-22, л. 329 об. — Варлаам (Варлаам. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря, стр. 2) видел в таких замечаниях указание на то, что сборник КБ-9 был писан, «кажется, не в Кирилловом мо-

Студита указывается, что он был написан в Кирилловом монастыре.⁶³ В КБ-6 упоминается рукопись «Семен Богослов горелой», переведенная «в лето 6934 [1425] кир Иаковом доброписцем... от греческого языка на русскы... убогому Евсевию, непотребному Ефрему русину».⁶⁴ Речь идет о рукописи Симеона Нового Богослова, которая упоминалась (с тем же эпитетом «горелая») уже в древнем описании сборников Кириллова монастыря.⁶⁵ Опять, таким образом, мы можем говорить о связи Ефросина с Кирилловым монастырем и его библиотекой. К северной, Ростовской земле ведет нас и помещенный в КБ-6 рассказ об установлении христианства в Ростовской земле.⁶⁶ В тех же местах был, очевидно, написан и сподвижник КБ-22, ибо «Странник», помещенный там, описывая путь до Царьграда и Иерусалима, заканчивается Белоозером и Угличем.⁶⁷ В 1471—1475 гг. Ефросин участвовал в сборнике, составленном игуменом Кирилло-Белозерского монастыря Игнатием. С Кирилловым монастырем был связан и сподвижник Ефросина⁶⁸ — художник Ефрем, которому, как отметил сам Ефросин, принадлежало изображение Александра Македонского, а, вероятно, также изображение кентавра и вензель («экслибрис») Ефросина в сборнике КБ-11.⁶⁹ Запись «Ефремишки зуграфа (художника)» сохранилась на рукописной книге, переписанной им в Кирилловом монастыре по приказу игумена Венедикта (1486—1489).⁷⁰

Но наряду с Кирилловым монастырем Ефросим был связан и с другими монастырями. Его сборники обнаруживают не только знакомство с книгохранилищем Ферапонтова монастыря, находившегося недалеко от Кириллова монастыря,⁷¹ но и тесную связь с Троице-Сергиевым монастырем. Именно игуменов Троицкого монастыря перечислил, как мы уже знаем, Ефросин в сборнике КБ-22. В КБ-6 Ефросин отметил количество книг и молитвенников в Троицком монастыре.⁷² Связь с Кирилловым и одновременно с Троицким монастырем обнаруживает и рукопись Увар. 894: в послесловии

настыре»; однако Ефросин мог ссылаться на Кириллов устав (как и на свои собственные другие сборники) и находясь в том же монастыре.

⁶³ ГИМ, Увар. 894, л. 515.

⁶⁴ КБ-6, л. 350 об.

⁶⁵ Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века, стр. 165, 194. — В собрании рукописей Кирилло-Белозерского монастыря находится рукопись Симеона Нового Богослова (ГПБ, Кир.-Бел. 100/225), сохранившая процитированную Ефросином запись о переводе ее в 1425 г. «кир Иаковом убогому Евсевию, непотребному Ефрему русину» (л. 335); но это, по-видимому, не рукопись начала XV в., а копия с нее.

⁶⁶ КБ-6, лл. 300—301; опубликовано М. Н. Сперанским (М. Н. Сперанский. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора еврея, стр. 34).

⁶⁷ КБ-22, л. 223 об.

⁶⁸ В рукописи КБ-6 имеется помета, сделанная полурусскою, полугреческою скорописью и, возможно, раскрывающая имя другого сотрудника Ефросина: «Грешный иеромонах Иона начерта» (л. 175 об., внизу листа).

⁶⁹ КБ-11, л. 19, 127 об.

⁷⁰ ГПБ, Кир.-Бел. 56/1295, л. 1 об. — С именем Ефрема было бы весьма соблазнительно связать и еще один памятник, вышедший из Кириллова монастыря, — описание «сборников» конца XV в., опубликованное Н. К. Никольским. Сборник этот (Кир.-Бел. 101/1178) имеет помету на обороте верхней доски переплета: «сборник Ефремовский». Н. К. Никольский полагал, что «Ефремовским» сборник мог быть назван по имени его последнего владельца, а более ранним его владельцем был Герман (Подольный), чье имя названо на л. 1 об. (Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века, стр. XIII—XIV, примечания, XXXIX—XLIV). Однако возможно и обратное соотношение — Ефрему могло принадлежать описание рукописей, входящее в сборник (о чем по традиции знали кирилловские библиотекари, сделавшие надпись на доске переплета), а Герман ввел это описание в сборник и приписал летописные заметки.

⁷¹ КБ-6, л. 117.

⁷² КБ-6, л. 80.

к этой рукописи Ефросин выражал надежду на молитвы «преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия чудотворца и преподобного отца нашего и господина старца Кирила».⁷³

О том, что деятельность Ефросина была связана не с одним только Кирилловым монастырем, может свидетельствовать и запись в одном из его сборников. Указав, что «впервые» он писал «Сказание о 12 пятницах» в 1477 г., Ефросин прибавил: «тое зимы и на игуменство поехал...». Конец этой фразы не сохранился (он срезан при переплете),⁷⁴ но, по-видимому, она относится к самому Ефросину. О нем, возможно, говорит и запись об «отшествии» из монастыря какого-то Ефросина (по-видимому, в 1470 г.), читающаяся в дополнительной части той рукописи, где находится изданное Н. К. Никольским древнее описание кирилло-белозерских сборников.⁷⁵

Таковы скудные биографические данные о Ефросине, находящиеся в нашем распоряжении. Подвизавшийся в 70—90-х годах в нескольких монастырях, этот монах не был рядовым иноком — он имел сан священника («поп Ефросим»), т. е. был иеромонахом (а впоследствии, возможно, и игуменом); как книгописец Ефросин тоже выступал не в качестве рядового переписчика, а в роли организатора литературных предприятий. Можно предполагать, что Ефросин был одним лицом со «старцем Ефросимом крылошанином»⁷⁶ и «попом Ефросином»,⁷⁷ выступавшим в 60—80-х годах от имени Кириллова монастыря в роли «послуха». Но глубоких корней в Кирилловом или каком-либо другом монастыре Ефросин не пустил; важной роли в церковно-административной жизни конца XV в. он не сыграл и именно поэтому, очевидно, остался почти незамеченным летописными и иными источниками того времени.⁷⁸

Главным занятием этого человека была не церковная, а литературная деятельность, получившая вполне определенное отражение в его сборниках.

⁷³ ГИМ, Увар. 894, л. 637 об.

⁷⁴ КБ-11, л. 235 (в тексте, конец на правом поле). — После слова «поехал» видны следы еще двух букв. Если речь идет не о Ефросине, а каком-то другом лице, чье имя сохранилось на срезанном тексте («поехал» такой-то), то речь, может быть, идет о Паисии Ярославове, как раз в 1477 г. поехавшем из Заволжья на игуменство в Троице-Сергиев монастырь.

⁷⁵ Запись эта, сделанная полукриптографическим способом (особой системой беглого письма, при которой вместо ряда букв пишутся их фрагменты), гласит: «Круг солнцу 35 отшол Ефросин, жил год да три месяца и две недели, а луне 5 круг, лет в руке 4, месяца мая 10 по Николене дни» (ГПБ, Кир.-Бел. 101/1178, л. 257). Если точно вычислить дату по всем этим данным (круг солнцу, «вруцелето», круг луны), то получается 7035 (1527) г., — в таком случае надпись вряд ли относилась бы к нашему Ефросину, переписывавшему рукописи в 1470 или даже в 1463 г. Однако дата эта вообще сомнительна, так как изданное Н. К. Никольским описание было составлено до конца XV в., а приписки к нему — все не позже 1510 г. (ср.: Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века, стр. XLIV—XLV); в этих приписках данные «вруцелет» как раз крайне неточны (там же, стр. XL—XLI). Можно думать поэтому, что автор заметки имел в виду 6978/79 г., к которому приблизительно (6978 г. — круг луны 5; 6979 г. — круг солнцу 35, «вруцелето» «а») подходят приведенные им календарные данные.

⁷⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (АСЭИ), т. II. М., 1958, № 173.

⁷⁷ Там же, № 226.

⁷⁸ Книгописец Ефросин, несомненно, не был идентичен Ефросину, известному церковному деятелю, основателю и игумену псковского Спасо-Елеазарова монастыря: книгописец Ефросин трудился в конце XV в. и не ранее 1491 г. переписывал одну из своих рукописей; игумен Ефросин родился, очевидно, еще в конце XIV в., в 1425—1438 гг. ходил в Царьград, основал монастырь в 1450 г.; умер в 1481 г. (ср.: Н. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908, стр. 240—255).

II

Исследование содержания ефросиновских сборников в значительной степени облегчается одной особенностью этих сборников, уже отмеченной нами: пристрастием Ефросина к определенным, повторяющимся сюжетам и тематическим комплексам. Конечно, рукописи Ефросина были достаточно разнообразны по своему составу; немалое место в этих рукописях занимали памятники ритуального и канонического характера, но памятники эти явно не имели для Ефросина такого важного значения, как для большинства переписчиков того времени. Церковно-служебный материал преобладает только в двух наиболее ранних из известных нам рукописей, связанных с Ефросином — Кир.-Бел. 53/1130 и Увар. 894. Однако в Кир.-Бел. 53/1130 рукой Ефросина написана относительно небольшая часть сборника; рукопись Увар. 894 написана полностью Ефросином, но, судя по многочисленным записям Ефросина в этой рукописи, он выступал здесь не в роли редактора-составителя, а скорее в скромной роли писца, стремящегося поскорее закончить порученную ему работу. «Бог мя избавил . . . Силно есмь рад, коли кончал строку последнюю. Богу слава, осподарю здравие», — записал Ефросин в послесловии к рукописи.⁷⁹ Архимандрит Леонид, описывавший эту рукопись, высказал в связи с этим предположение: «Не за эпитемию ли написана эта огромная книга? Нетерпеливое многословие писца высказывает что-то подобное».⁸⁰

Среди памятников, помещенных в ефросиновских сборниках, важное место, как мы уже знаем, занимают памятники апокрифического характера. Роль апокрифики в истории древней русской литературы была довольно сложной. Не всякая апокрифическая книга была «отреченной», т. е. занесенной в кодекс запрещенных церковью книг;⁸¹ апокрифы могли иметь и богословский, и познавательный, и чисто литературный характер. Для понимания характера апокрифической литературы, использованной Ефросином, следует поэтому разобрать отдельные памятники этой литературы.

Важнейшим источником апокрифики в сборниках Ефросина была Толковая Палея. «Книга нарицаема Палея, богословна единство трисвятое» помещена Ефросином в сборнике КБ-11;⁸² отдельные отрывки из этой книги содержатся в других местах того же сборника,⁸³ в сборниках КБ-22,⁸¹ КБ-9⁸⁵ и КБ-6.⁸⁶

Толковая Палея — памятник со сложной литературной историей. Он дошел до нас в нескольких редакциях. Первая редакция Палеи (созданная, по-видимому, на Руси в XIII в.) носит по преимуществу богословско-poleмический характер; текст библейских книг Ветхого завета и некоторых апокрифов, доведенный до начала царствования Соломона, излагается здесь с целью доказательства «провождения» пришествия Христа еще в ветхозаветные времена; текст ветхозаветной истории постоянно прерывается

⁷⁹ ГИМ, Увар. 894, л. 638.

⁸⁰ Архим. Леонид. Систематическое описание рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. 1, стр. 480.

⁸¹ Ср.: Н. С. Тихонравов. Рецензия на издание А. Н. Пыпина. — Сочинения, т. I, М., 1898, Примечания, стр. 15—17; В. М. Истрин. Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.). Пгр., 1922, стр. 113.

⁸² КБ-11, лл. 267—326 об. — Начиная с л. 281 пагинация КБ-11, сделанная чернилами, неверна; ссылаемся всюду на карандашную пагинацию.

⁸³ КБ-11, лл. 227—227 об., 230—231, 238—242, 346—355, 382 об.—386, 492 об.—493 об.

⁸⁴ КБ-22, лл. 15 об—32, 513 об.

⁸⁵ КБ-9, лл. 194—200, 269 об—271.

⁸⁶ КБ-6, л. 179 (но у Ефросина ссылка: «яко же Евсевий Памфилов списа», отсутствующая в Палее).

полемическими обращениями к «жидовину». Во второй редакции Палеи историко-повествовательные части расширены, добавлен значительный апокрифический материал, в том числе легенды о Соломоне талмудического происхождения; библейский материал переходит в хронографический, и текст доведен до Владимира Киевского. Н. С. Тихонравов связывал появление этой редакции с ересью «жидовствующих»; В. Истрин считал, что вторая (как он назвал ее позднее — хронографическая) редакция была составлена в XV в. во Пскове, но вопрос о связи ее с ересью (или с противоречивой пропагандой) оставлял открытым. Наконец, существует еще третья, краткая, редакция Толковой Палеи (в которой нет, в частности, легенд о Соломоне)⁸⁷

Обратившись к Палее, переписанной Ефросином, мы убедимся в том, что перед нами иная редакция, чем все упомянутые выше.⁸⁸ Редакция эта включает легенды о Соломоне, помещенные здесь в начальной части Палеи; в основе ее лежит, очевидно, либо вторая редакция Толковой Палеи,⁸⁹ либо такой вид первой редакции, где были добавлены легенды о Соломоне.⁹⁰ Но в Палее, использованной Ефросином, не только больше повествовательного и апокрифического материала, чем в первой редакции, — здесь несравненно меньше, чем в обеих редакциях Палеи, церковно-полемического материала.

Эта особенность Палеи в сборнике Ефросина бросается в глаза уже с первых страниц повествования. Палея, помещенная Ефросином, начинается, как и другие редакции Толковой Палеи, с описания могущества бога, но описание это заканчивается словами: «сътвори бог, рече, небо и землю и прочая».⁹¹ В других же редакциях мы читаем: «сътвори бог, рече, небо и землю. Выпрошаю же аз тебе, о жидовине, почто Моиси и от ангел не нача писати...» и далее следует длинная полемика с «жидо-

⁸⁷ Первоначальная редакция Толковой Палеи опубликована в издании: Палея Толковая, по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892 (далее: Палея Коломенская); вторая редакция воспроизведена фототипическим способом (не до конца) в издании: Толковая Палея 1477 года. Воспроизведение Синодальной рукописи № 210, вып. 1. Изд. ОЛДП, СПб., 1892 (далее: Толковая Палея). Ср.: Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. I, Дополнения, стр. 111—116; В. М. Истрин: 1) Редакции Толковой Палеи. СПб., 1907 (оттиск из: ИОРЯС, т. V, 1905, кн. 4; т. XI, 1906, кн. 1—3); 2) Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.), стр. 213—283; В. П. Адрианова. К литературной истории Толковой Палеи. Киев, 1910.

⁸⁸ С Палеей, помещенной в КБ-11, был в какой-то степени знаком Н. С. Тихонравов, охарактеризовавший ее как «выписки из Толковой Палеи» (Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. I, Примечания, стр. 40, прим. 6). Но Тихонравов, по-видимому, весьма невнимательно отнесся к этому списку; он не заметил, например, что заглавие Палеи здесь точно совпадает с ее заглавием в списке XVII в. (Синод. 548), которое Тихонравов считал принадлежащим патриарху Адриану (там же, прим. 5).

⁸⁹ Отличают от второй редакции (и сближают с первой редакцией) ефросиновскую Палею заключение рассказа о переходе Моисея через море (КБ-11, л. 305; Палея Коломенская, стлб. 499—500; во второй редакции этого места нет) и отсутствие «заветов 12 патриархов» (один из них, «завет Заулонь», помещен Ефросином в другом сборнике — КБ-9, лл. 269 об.—271). Но, учитывая сокращенный характер редакции, использованной Ефросином, это последнее обстоятельство нельзя считать веским аргументом против сближения ефросиновской Палеи со второй редакцией. С третьей редакцией Палеи Палея, помещенная Ефросином, несмотря на свою краткость, ничего общего не имеет (третья редакция Палеи не издана; пользуемся списком ГПБ, Погод. 1434).

⁹⁰ Такой вид первой редакции Толковой Палеи существует — он представлен, например, списком ГПБ, Кир.-Бел. 68/1145 (этот список в основной части идентичен с Коломенским списком 1406 г. и использован в издании в вариантах к этому списку; с л. 362 об в Кир.-Бел. 68/1145 помещены легенды о Соломоне).

⁹¹ КБ-11, л. 267 об.

вином».⁹² То же явление мы наблюдаем и далее: рассказ о сотворении мира в ефросиновской Палее читается, следующие за ним в других редакциях богословско-полемические рассуждения отсутствуют.⁹³ Еще характернее отличие в дальнейшем тексте (помещенном в ефросиновской Палее после легенд о Соломоне). Рассказ о птице «згуле» и рыбе «мюрومه» у Ефросина лишен какой бы то ни было морали: «згула... себе кормить, ленива сущи»; «мюррома» сходится с ядовитыми змеями — «того ради нечиста есть рыба та от всех рыб».⁹⁴ В других редакциях Палеи рассказы эти носят аллегорический характер — «згуля» или «жегъзуля» здесь сопоставляется с иудеями, а «мюррома» — с мусульманами.⁹⁵ Такие же аллегорические рассказы посвящены в Палее и другим животным — птице «алконосту», рыбе «многоножице» и птице «финиксу».⁹⁶ В КБ-11 этих рассказов нет, но в другом ефросиновском сборнике — КБ-22 они помещены (в тексте под заголовком «От Палеи»); однако краткая мораль приводится только в рассказе о «многоножице»; пространных рассуждений и полемики с иудеями и мусульманами, читающихся в рассказах об «алконосте» и «финиксе» других редакций, здесь нет.⁹⁷ Лишен всякой аллегоричности в ефросиновской Палее и рассказ о птице «харадре»; как и в других редакциях Палеи, рассказ этот приводится здесь в связи с заветом Иакова, но в других редакциях «харадр» знаменует будущее рождение Христа и духовную гибель иудеев; у Ефросина ничего этого нет.⁹⁸

Сходные особенности можно наблюдать на протяжении всего текста Палеи в ефросиновском сборнике: библейский, апокрифический и «физиологический» материал здесь постоянно приводится без пространных богословско-полемических выводов, характерных для других редакций.⁹⁹ Естественно встает вопрос о происхождении и о смысле этих особенностей Палеи у Ефросина. Едва ли можно сомневаться, что отсутствие большинства богословских толкований в ефросиновской Палее — явление вторичное, результат обработки первоначального текста, где такие толкования были.¹⁰⁰ О том, что перед нами именно обработка, свидетельствует

⁹² Палея Коломенская, стлб. 2—7; Толковая Палея, лл. 1—2 об.

⁹³ КБ-11, л. 267 об.; Палея Коломенская, стлб. 7—8; Толковая Палея, л. 2 об.; КБ-11, л. 268 об.; Палея Коломенская, стлб. 10 и сл.; Толковая Палея, л. 3 и сл.

⁹⁴ КБ-11, л. 277.

⁹⁵ Палея Коломенская, стлб. 83 и 84; Толковая Палея, л. 22—22 об.

⁹⁶ Палея Коломенская, стлб. 81—83, 85—87; Толковая Палея, лл. 21 об.—22, 22 об.—23. — Полностью сохранены аллегорические толкования в рассказах о животных и в третьей (краткой) редакции Палеи (Погод. 1434, лл. 28—30 об.).

⁹⁷ КБ-22, лл. 31 об.—32.

⁹⁸ КБ-11, лл. 295 об.—296; Палея Коломенская, стлб. 370—371; Толковая Палея, л. 139 об. — В третьей редакции Палеи (Погод. 1434) нет ни завета Иакова, ни рассказа о харадре, ни аллегорического толкования его.

⁹⁹ Ср., например: рассказ о Ное — КБ-11, л. 282; Палея Коломенская, стлб. 201—206; Толковая Палея, л. 58—58 об.; об Аврааме — КБ-11, лл. 289 об.—290; Палея Коломенская, стлб. 246—290; Толковая Палея, лл. 70—85 об.; о потере Исавом первородства — КБ-11, л. 293 об.; Палея Коломенская, стлб. 297—302; Толковая Палея, лл. 97—99; о купине — КБ-11, л. 301; Палея Коломенская, стлб. 479—480; Толковая Палея, л. 196 об.

¹⁰⁰ Статьи о животных (алконосте, многоножице, мюрومه, финиксе, харадре) без богословско-полемических заключений читаются и в памятнике конца XV в., уже обратившем на себя внимание исследователей, — так называемой «Златой Матице» (ГПБ, Погод. 1024, лл. 193 об.—194 об.; опубликованы с цензурными пропусками в книге: Ф Буслаев Историческая хрестоматия церковно-славянско и древнерусского языков. М., 1861, стлб. 688—690). В. Истрин, считая невероятной обработку текста Толковой Палеи автором «Златой Матицы», пришел к выводу о первоначальности текста «Златой Матицы» (В. Истрин. Замечания о составе Толковой Палеи. СПб., 1898, стр. 99—100; отд. оттиск: ИОРЯС, т. II, 1897, т. III, 18'8, стр. 99—100); А. Карнеев, справедливо отметив, что «для мало-мальски искусившегося компилятора» такое

обычная в таких случаях непоследовательность текста. Аллегорические толкования опущены здесь, но не все и не полностью: рассказ об орле кончается у Ефросина, как и в других редакциях Палеи, аллегорией (орел — Иисус Христос);¹⁰¹ таким же аллегорическим толкованием сопровождается и рассказ о уране и голубе, посланных Ноем из ковчега,¹⁰² и другие рассказы. В чем же смысл такой обработки? Вопрос этот важен независимо от того, была ли эта обработка произведена самим Ефросином или он воспользовался уже сложившейся редакцией такого характера (для восстановления литературной истории Палеи Ефросина необходимо специальное исследование с привлечением всей совокупности списков). Не следует ли видеть в таком систематическом удалении богословской, и в частности противоиудейской, полемики проявление определенной идеологической тенденции? Для Н. С. Тихонравова, как мы знаем, было достаточно одного факта включения талмудических легенд во вторую редакцию Палеи, чтобы связать эти редакции с ересью «жидовствующих». В ефросиновскую редакцию Палеи не только полностью включены, да еще в ее начальную часть, те же самые талмудические легенды о Соломоне, — там исключены одновременно почти все обличения «жидовина», которые составляют, в сущности, сюжетную и идеологическую основу этого памятника. Если учесть, что редакция читается в сборниках того же самого Ефросина, где дважды помещены «псалмы Феодора», казавшиеся исследователям несомненным произведением «жидовствующих», то предположение о еретичестве Ефросина покажется чрезвычайно заманчивым.

Едва ли, однако, это предположение будет правильным. Связь еретического движения конца XV в. с «псалмами Феодора», как и вообще с переводной еврейской литературой того времени (за исключением «Шестокрыла» и, возможно, «Логики» Маймонида), весьма сомнительна; нам представляется, что «Псалтырь» Феодора, как и сообщается в предисловии к этому памятнику, помещенном в одном из ефросиновских сборников,¹⁰³ действительно была переведена Феодором «здоровьем государя своего великого князя Ивана Васильевича всея Руси и благословением и приказанием святого Филипа митрополита всея Руси».¹⁰⁴

Побуждения Ефросина, поместившего этот памятник в двух своих сборниках, были так же просты, как и побуждения великого князя и митрополита, приказавшего его перевести: их интересовало сочинение, столь схожее по форме с привычной им Псалтырью, но вместе с тем новое и прежде неизвестное. Никаких черт «жидовства» не обнаруживаем мы и в других текстах ефросиновских сборников. В составе Палеи здесь сохранились, хотя и в значительно сокращенном виде, обличения «жидовина».¹⁰⁵ Противоиудейские сочинения («Стязание ... о вере христианстей

сокращения «ничего мудреного» не составляло, признал первоначальным рассказ Толковой Палеи (А. Карнеев. К вопросу о взаимных отношениях Толковой Палеи и Златой Матицы. — ЖМНП, 1900, февраль, стр. 337—346). Тексты о животных у Ефросина отличаются от рассказов «Матицы» (ср. окончания рассказов о «згуде» и о «мюром»: КБ-11, л. 277; Погод. 1024, л. 194); они генетически не связаны между собой, и оба восходят к Толковой Палее (у Ефросина они и композиционно являются частью Палеи).

¹⁰¹ КБ-11, л. 296 об.; ср.: Палея Коломенская, стлб. 371—373; Толковая Палея, лл. 139—141.

¹⁰² КБ-11, лл. 284 об.—286 об.; ср.: Палея Коломенская, стлб. 209—215; Толковая Палея, л. 60—61 об.

¹⁰³ КБ-6, л. 276 об.; М. Н. Сперанский. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора еврея, стр. 72.

¹⁰⁴ Ср.: Н. А. Казакья и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 84—86

¹⁰⁵ Ср., например: КБ-11, лл. 285—285 об., 293—293 об., 301 об., 305

законом еврейском»¹⁰⁶ и «Сказание о 12 пятницах»¹⁰⁷), как, впрочем, и прстиволатинские¹⁰⁸ и противомусульманские,¹⁰⁹ читаются у Ефросина и вне Палеи. Редакция Палеи, выбранная или обработанная Ефросином, свидетельствует не о том, что для него была идеологически неприемлема богословская полемика, читавшаяся в остальных редакциях, а о том, что повествовательно-фактический материал Палеи представлял для него наибольший интерес. Реальная «згула» (кукушка) интересовала Ефросина больше, чем богословские аллегории.

Интерес к описанию природы и животного мира — вот та характерная для всех ефросиновских сборников черта, которая лучше всего объясняет своеобразные черты помещенной в этих сборниках Палеи. Интерес этот был свойственен, конечно, многим читателям Палеи и других энциклопедических памятников русского средневековья, но у Ефросина он выражен, пожалуй, сильнее, чем у всех известных нам переписчиков древней Руси. «Естественно-научные» интересы Ефросина объясняют помещение в его сборниках целой, весьма многочисленной серии памятников (переписанных иногда по несколько раз) космографического, «физиологического» и географического характера. Ефросина интересовали не только рассказы о животных. В ефросиновской Палее выделены особыми заголовками и дополнены сведениями из иных источников, отсутствующими в других редакциях Палеи, рассказы о величине тела Адама,¹¹⁰ «о скотьи души»,¹¹¹ «о теле»¹¹² и т. д. Особое внимание Ефросина привлекла статья «От Палеи о величестве солнца и луны и земля», содержащая важнейшие астрономические данные (лунный и солнечный круг, планеты). Статья эта, помещенная им вне текста «Книги нарицаемой Палея», была повторена несколько раз в разных сборниках.¹¹³ В разных местах сборников Ефросина получила отражение и другая астрономическая статья Палеи — «О времени, и о солнце, и о человецех, и о луне, и о звездах».¹¹⁴

¹⁰⁶ КБ-11, л. 357 и сл. — Этот памятник читается и в других древнерусских сборниках (ГПБ, Соф. 1464, л. 305); ср.: Д. И. Абрамович. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека, вып. III. СПб., 1910, стр. 270.

¹⁰⁷ КБ-11, л. 234 об.

¹⁰⁸ КБ-22, лл. 182 об.—185 об. (ср.: А. Н. Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против унии. М., 1875, стр. 137—145), 185 об.—191 об. (ср.: там же, стр. 289—296; текст не совпадает); КБ-11, лл. 369 об.—372 (ср.: там же, стр. 120—121), 372—376 (ср.: там же, стр. 151—152). — Любопытно, что у Ефросина читаются противолатинские сочинения, известные на Руси с древнейших времен, но нет современных ему сочинений XV в. против Флорентийской унии. Видимо, интерес к этому, как и к другим церковно-полемическим сюжетам, был у нашего книгописца не очень острым.

¹⁰⁹ КБ-11, лл. 368 об.—369 об.: «Се служба изманьтска, рекше срацинска — ...сиде рече льстець Маамедь; конецъ прельсти его, злодея» (весь текст зачеркнут, а начало первой строки вытерто).

¹¹⁰ КБ-11, л. 277 об.; Палея Коломенская, стлб. 114; Толковая Палея, л. 32 об. — Содержащееся у Ефросина дополнение к Палее взято из рассказа «Святого Епифания об Адамъ», читающегося в «Еллинском летописце» (ср.: А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1. М., 1866, стр. 6). Этот же рассказ использован у Ефросина и ниже: КБ-11, л. 453 об.

¹¹¹ КБ-11, лл. 277 об.—278; Палея Коломенская, стлб. 115—116; Толковая Палея, л. 33

¹¹² КБ-11, лл. 279 об.—280; Палея Коломенская, стлб. 183; Толковая Палея, л. 52 — Далее у Ефросина опять ссылка на другой источник: «И инде пишет, яко Адам от 8 части сътворен бысть...».

¹¹³ КБ-11, лл. 277 об.—228, 492 об.—493; КБ-22, л. 513 об. (текст обрывается с окончанием листа); Палея Коломенская, стлб. 63—64; Толковая Палея, л. 15—15 об. — Этот же текст есть и в «Златой Матице» (Погод. 1024, л. 191 об.).

¹¹⁴ КБ-22, лл. 38—39 об.; Палея Коломенская, стлб. 8—10, 31—45; Толковая Палея, лл. 2 об.—3, 8 об.—12 об. — Текст «Молвят бо нещия баснословци, яко под землею течет солнце...», пропущенный в КБ-22, читается в КБ-11, л. 493 об.

Активный интерес Ефросина к вопросам естествознания выразился не только в том, что он сохранил и неоднократно воспроизвел космографические и «физиологические» статьи Палея. Ефросину были известны источники этих статей Палея — «Шестоднев» и «Физиолог», памятники, весьма популярные в древнерусской рукописной традиции.¹¹⁵ Наряду со статьями «Шестоднева» и «Физиолога», заимствованными из Палея, мы читаем в ефросиновских сборниках статьи: «От Шестодневника выбираю строки»,¹¹⁶ «От Шестоднеца (!) избрано о животех»,¹¹⁷ заметку о «ноговиче» (грифе) и драгоценных камнях из «Шестоднеца» Георгия Писиды,¹¹⁸ а также статьи о неасыти (пеликане) и дятле из «Физиолога».¹¹⁹

В сборниках Ефросина получили отражение наиболее популярные «научные энциклопедии» древней Руси. Но материал этих энциклопедий раннего средневековья, очевидно, уже не удовлетворял книжника конца XV в. В его сборниках мы находим и такие естественно-научные статьи, которых не было ни в Палее, ни в одном из «Шестодневов», ни в «Физиологе». Это воспроизведенные несколько раз в сборниках статьи «О широте и долготе земли», «О стадиях и поприщах», «О расстоянии между небом и землей»,¹²⁰ «О часах седми тысяч».¹²¹ Статьи эти едва ли появились в русской письменности ранее XV в.¹²² Характеризуя этот тип «естественно-научной письменности» XV в., Т. Райнов отмечает, что «статьи о широте земли, о земном устройении и пр. отличаются совершенно трезвым натуралистическим характером. В них нет никаких богословско-символических, мистических элементов. Совершенно деловым образом они сообщают ряд фактических сведений цифрового содержания о величине некоторых астрономических объектов и расстояний».¹²³

¹¹⁵ В древнерусской письменности существовало несколько памятников с именем «Шестоднев» (описание шести дней творения); наиболее был распространен и оказал непосредственное влияние на Палея «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского (изд. А. Н. Поповым в ЧОИДР, 1879, № 3). «Физиолог» — см.: А. Карнеев. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. Изд. ОЛДП, вып. ХСП. СПб., 1890. О влиянии обоих памятников на Палея ср.: А. Карнеев. К вопросу о взаимных отношениях Толковой Палея и Златой Матицы, стр. 346—357; Т. Райнов. Наука в России XI—XVII вв. М.—Л., 1940, стр. 74—76.

¹¹⁶ КБ-9, лл. 200—215.

¹¹⁷ КБ-11, лл. 495 об.—499. — Текст этого памятника издан в работе: Н. Н. Дурново. К истории сказаний о животных в старинной русской литературе. — «Древности». Труды Славянской комиссии Московского археологического общества, т. III. М., 1902, стр. 47—55 (в КБ-11 текст короче, имеет лакуну внутри и кончается описанием ехидны). Ср.: Т. Райнов. Наука в России XI—XVII вв., стр. 179.

¹¹⁸ КБ-11, л. 499 об.; ср.: Шестоднев Георгия Писиды в славяно-русском переводе 1385 г., изд. И. Шляпкиным. — ПДП, XXXII. СПб., 1882, стр. 28, 44.

¹¹⁹ КБ-22, л. 441; ср.: А. Карнеев. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога, стр. 185—192, 385.

¹²⁰ КБ-22, лл. 208 об.—209, 481 об. (краткое изложение); КБ-11, л. 228—228 об. — Весь текст имеет единый заголовок «О широте и долготе земли» и рассматривается, очевидно, как единая статья.

¹²¹ КБ-22, л. 375 об.; КБ-11, лл. 232 об.—233.

¹²² Статьи «О широте и долготе земли» и другие опубликованы Ф. Буслаевым по сборнику Рум. 358 (ныне ГБЛ) конца XV—начала XVI в. (Ф. Буслаев. Историческая хрестоматия..., стлб. 695—697; она читается также в сборнике ГИМ, Син. 951 (XV—XVI вв.). Статьи эти читаются также в сборнике Кирилло-Белозерского монастыря (ГПБ, Кир.-Бел. XII, лл. 222—235), написанном, по мнению Варлаама, самим Кириллом Белозерским [Варлаам. Обзорение рукописей собственной библиотеки Кирилла Белозерского. — ЧОИДР, 1860, кн. II, отд. III, стр. 30; ср. об этих сборниках: Н. Н. Розов. Рукописи из Кирилловского краеведческого музея. — Труды ГПБ, т. I (IV). Л., 1957, стр. 286—287]. Статьи «О широте и долготе земли» и другие читались и в сборнике «Правила в четь Игнатъявы», описанном неизвестным кирилло-белозерским библиографом конца XV в. (Кир.-Бел., 101/1178, лл. 261 об.—262) в той части его сборника, которая не воспроизведена Н. К. Никольским.

¹²³ Т. Райнов. Наука в России XI—XVII вв., стр. 228.

Рядом со статьями «О широте и долготе земли» и другими следует упомянуть две другие статьи, также помещенные в сборниках Ефросина, — «Галиново на Ипократа» и «Александрово».¹²⁴ Перед нами — чрезвычайно редкие в древнерусской письменности фрагменты античной научной литературы. Путь их проникновения в русскую письменность неясен; в «Пчеле», сохранившей большинство дошедших до Руси античных текстов, обеих этих статей нет. Знаменитая теория Гиппократова о четырех стихиях получила отражение в Палее (рассказ о сотворении Адама) и через нее была известна Ефросину;¹²⁵ в статье «Галиново на Ипократа» Ефросин нашел гораздо более точное изложение этой теории, основанное на сочинении греческого ученого II в. н. э. Галена.¹²⁶ Как отметил Т. Райнов, биологические и терапевтические сведения этой статьи были лишены богословско-мистических добавлений и имели «совершенно натуралистический характер».¹²⁷ Такой же характер носил и другой фрагмент античного естествознания, воспроизведенный Ефросином и до сих пор неизвестный в научной литературе, — рассуждение «Александрово» (имеется в виду, очевидно, Александр из Афродиссии, греческий ученый начала III в. н. э. и комментатор Аристотеля) о постепенном развитии человеческого зародыша.¹²⁸

Тексты Галена—Гиппократова и Александра уводили Ефросина от отвлеченно-богословской «натурфилософии» к изучению живой природы и к медицине. Интерес нашего книгописца к подобным земным вопросам получил свое выражение во множестве мелких статей, записей и заметок,¹²⁹ которые подбирались Ефросином из разных источников и помещались им в разных сборниках. В его сборниках мы находим не только редкие и у других книжников того времени записи о затмении солнца,¹³⁰ но и специальные толкования метеорологических терминов¹³¹ и ряд статей чисто практического характера. Это апокрифическое «Пророка Ездры творение», или «колядник», — пособие для предсказаний по-

¹²⁴ КБ-22, лл. 209 об.—211, 211 об.—213.

¹²⁵ КБ-11, лл. 279 об.—280 («тело же убо человеце от четырех състав, рече, создано...»); ср.: КБ-22, л. 517 об.

¹²⁶ Статья «Галиново на Ипократа» читается также в сборниках ГИМ, Синод. 951 (А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. II, вып. 3. М., 1862, № 316), л. 260; ГБЛ, Троицк. 177, л. 253; Троицк. 762, л. 270 об.; ГПБ, Кир.-Бел. XII, лл. 215—219 об. Читалась она и в сборнике «Правила Игнатъевы» (ср.: Кир.-Бел. 101/1178, л. 261 об.). По рукописи Троицк. 177 текст издан в книгах: Памятники отреченной русской литературы, изд. Н. Тихонравовым, т. II, стр. 405—410; Л. Ф. Змеев. Русские учебники. — ПДП, СХII, СПб., 1896, стр. 242—245 (здесь текст полнее, чем в КБ-22, где пропущено все рассуждение о различных влияниях «стихий» в связи с возрастом).

¹²⁷ Т. Райнов. Наука в России XI—XVII вв., стр. 265.

¹²⁸ Текст Александра читается, кроме КБ-22, также в сборнике ГПБ, Кир.-Бел. XII, лл. 219 об.—224. Первая половина рассуждения, помещенного у Ефросина (КБ-22, лл. 211 об.—212 об.), совпадает с греческим трактатом «О рождении и семени человека» (*Physici et medici graeci minores*. Ed. J. L. Ideler, vol. I. Berlin, 1841, стр. 294—296, §§ 9, 11—19, 22), не имеющим имени автора. Вопрос о происхождении всего текста, переписанного Ефросином, и о его авторстве требует специального исследования: перед нами может быть и компиляция, ложно приписанная Александру, и подлинное сочинение Александра из Афродиссии, полностью не сохранившееся в греческой традиции. У Александра из Афродиссии имеются высказывания об одушевленности семени (*Supplementa Aristotelis*, II. Berlin, 1887, § 32, 1).

¹²⁹ Интерес Ефросина к живой природе получил своеобразное отражение даже в рукописи «Синаксаря» — ГИМ, Увар. 894. Нарисовав инициал к одному из переписанных им памятников (букву «Б») в виде птицы, Ефросин сделал на поле пояснение: «пава» (л. 543 об.).

¹³⁰ КБ-22, л. 320 об.

¹³¹ КБ-11, лл. 490 об.—492 об. — Здесь толкуются термины «погония», «комит» (со ссылкой на Дамаскина) и др.

годы,¹³² особые «знамения грому»,¹³³ статья «о часах добрых и злых»¹³⁴ и др. Стремление осмыслить природу и воздействовать на нее, выраженное в этих статьях, часто было примитивно и по-средневековому наивно — тут мы читаем молитвы-заговоры «егда гром гремит», «егда прется вода»;¹³⁵ но даже такое выражение активности в этом вопросе рассматривалось церковью как греховное: недаром почти все молитвы такого рода считались «живыми» и заносились в индексы запрещенных книг. Интерес Ефросина к медицине получил выражение в целом ряде практических советов на случай различных болезней¹³⁶ и в ряде «отреченных» молитв-заговоров: «коли жена детятем болит», «аще кто костью подавитьсяя», от зубной боли и «от всех уд» и т. д.¹³⁷

Из «научных энциклопедий» русского средневековья, богословской и «отреченной» литературы Ефросин извлекал не только всевозможные сведения по естественным наукам. Его внимание, правда в меньшей степени, привлекали и те науки, которые мы бы назвали гуманитарными. Большой исторический, в основном, конечно, библейско-исторический, материал содержала уже Толковая Палея. При создании Палеи были использованы греческие хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола; использованы были и библейско-исторические сведения, содержащиеся в «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова. Возникшая на русской почве, Палея включала и некоторые сведения о русских землях и населяющих их племенах.¹³⁸

Интересовавшие его исторические сведения Ефросин мог черпать из Палеи. Из второй редакции Палеи был, по-видимому, заимствован им очерк истории Римской империи от Ромула и Рема до Константина Великого (восходящий к хронике Иоанна Малалы).¹³⁹ Но характерные для этого книгописца приемы сказались и в данном случае: если естественно-научные сведения Палеи Ефросин дополнял «Шестодневом» и «Физиологом», то для исторических сведений он обращается к соответствующим источникам Палеи и к параллельным памятникам. У Ефросина читается текст «От Книги царства Георгия мниха грешна», воспроизводящий начало Хроники Амартола;¹⁴⁰ приведены у него и два других отрывка из Амартола.¹⁴¹ Читаются здесь и хронологические выкладки, заимствован-

¹³² КБ-22, л. 109—109 об.

¹³³ КБ-9, лл. 193 об—194

¹³⁴ КБ-22, лл. 516 об—518; ср. Памятники отреченной русской литературы, изд. Н. Тихонравовым, т. II, стр. 377, 382

¹³⁵ КБ-9, л. 90 об; КБ-6, л. 83.

¹³⁶ КБ-22, лл. 226 об—227 («болячка на срамных удех»), 360 (на нижнем поле, не окончено); КБ-11, л. 195 об (наряду со средствами против болезней здесь приводится также рецепт окраски волос)

¹³⁷ КБ-6, лл. 86 об, 112 об, 114—114 об; КБ-22, л. 312 (на правом поле); ср. Памятники отреченной русской литературы, изд. Н. Тихонравовым, т. II, стр. 355—357

¹³⁸ Ср. например Палея Коломенская, столб. 240, 243

¹³⁹ КБ-11, лл. 346—353; ср. Толковая Палея ГПБ, Погод. 1435, лл. 410 об—423 (ср.: В. Истрин Редакции Толковой Палеи, стр. 38—39) — Рассказ КБ-11 во многом расходится с рассказом Толковой Палеи; здесь, например, говорится, что император Гай (Калигула) «иступив человеческого смысла» (л. 349), чего нет в Палее [это известие читается в Хронике Георгия Амартола — см. В. Истрин Книги временных и образных Георгия мниха Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе (далее Хроника Георгия Амартола), т. 1 Пгр., 1920, стр. 224]

¹⁴⁰ КБ-11, лл. 326 об—346. — Только в начальной части (лл. 326 об—329, до рассказа о Кроне) рассказ этот буквально совпадает с известным нам русским переводом Хроники Амартола (Хроника Георгия Амартола, т. 1, стр. 31—34), далее (л. 336 об) следуют рассказ о Навухудоносоре, перечисление персидских царей (ср. Хроника Георгия Амартола, стр. 42) и рассказ об Александре Македонском

¹⁴¹ КБ-11, лл. 380—382; Хроника Георгия Амартола, т. 1, стр. 61—64; КБ-22, л. 428 об; Хроника Георгия Амартола, т. 1, стр. 205.

ные «От Козмы Индикоплова от история».¹⁴² Использовал Ефросин и хроннику Иоанна Малалы, хотя, по всей видимости, не непосредственно, а по ее обширным извлечениям, помещенным в так называемом «Еллинском и Римском летописце». Уже в тексте Палеи, говоря о величине тела Адама, Ефросин добавлял: «Еллинскы же гронограф пишет: създан, рекше, и сътворен бысть от бога землею Адам...». Тот же текст, с такой же ссылкой на «Еллинский гронограф» (хроннику Малалы), читается и в «Еллинском летописце».¹⁴³ Другой, довольно обширный текст из «Еллинского летописца» (восходящего и здесь в основном к Малале), с упоминанием «мудрого Омира» (Гомера), «нарочитого астронома перского» Зороастра и других «философов», помещен Ефросином отдельно.¹⁴⁴

У Ефросина представлен еще один важный переводный историографический памятник — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. В одном из ефросиновских сборников мы читаем большую подборку отрывков «От пленения Иерусалимского», охватывающую важнейшие для древнерусского читателя тексты из этого памятника: описание иерусалимского храма, осады и падения города, а также рассказ об Иоанне Крестителе и Христе (христианские интерполяции «Иудейской войны»).

Важное место занимают в сборниках Ефросина и памятники летописного характера. Мы уже отмечали наличие в сборниках КБ-9 и КБ-22 кратких летописцев, охватывающих события русской истории (татарские нашествия), и в сборнике КБ-6 исторического рассказа об установлении христианства в Ростовской земле.

Помещены в сборниках Ефросина и летописцы более широкого типа, включающие события библейской и всемирной истории.¹⁴⁶ В своей начальной части эти летописцы близки к «Летописцу вскоре патриарха Никифора», памятнику византийской хронографии IX в., рано проникшему на Русь и оказавшему влияние на «Повесть временных лет»; в одном из них читается даже прямая ссылка на «Никифора патриарха Цариграда летописец».¹⁴⁷ Однако летописцы, помещенные у Ефросина, сходятся с летописцем Никифора не буквально; во многом они отличны от него. Летописец Никифора дополнен здесь пространным перечислением славянских племен, заимствованным из Толковой Палеи.¹⁴⁸

Наш перечень исторических памятников, использованных Ефросином, был бы неполным, если бы мы не назвали еще одного исторического ав-

¹⁴² КБ-11, лл. 221 об. (текст обрывается), 223 об., 227—227 об.

¹⁴³ КБ-11, л. 277 об.; ср.: А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1, стр. 6.

¹⁴⁴ КБ-11, лл. 453 об—461. — У А. Н. Попова дальнейший текст «Еллинского летописца» приводится не полностью (ср.: Еллинский летописец по рукописи ГПБ, Погод. 1437, лл. 1 об—2 об., 9 об., 11—16 об.). Следует отметить, что статьи, близкие по содержанию к «Еллинскому летописцу» (и к его источнику—Малале), читаются и в дополнительной части Толковой Палеи второй редакции (см. Толковую Палею ГПБ, Погод. 1435, лл. 448—450 об.; ср. об этом: А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1, стр. 10—11, 17—19). Однако в дополнительной части Палеи нет начального текста о величине тела Адама, читающегося и в «Еллинском летописце», и у Ефросина (на л. 277 об. даже с такой же ссылкой на «Еллинский гронограф»).

¹⁴⁵ КБ-22, лл. 412—415 об. (ср.: Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 370—372, 383); лл. 416—422 об (ср.: там же, стр. 391—392, 395, 394, 418, 420—422, 430—431, 433); лл. 423—424 об. (ср.: там же, стр. 259—260, 264—265); лл. 425—428 об. (ср.: там же, стр. 250—259). «История Иудейской войны» (также неполная) читается и в сборнике игумена Игнатия (ГПБ, Кир.-Бел. 53/1130, лл. 429—496 об.), в создании которого принимал участие Ефросин («История Иудейской войны» написана там не его рукой).

¹⁴⁶ КБ-22, лл. 4 об.—14 (на лл. 14 об.—15 — краткий русский летописец, доведенный до Василия Темного), 308—309.

¹⁴⁷ КБ-22, л. 5.

¹⁴⁸ КБ-22, л. 6; Палея Коломенская, стлб. 243.

тора, достаточно редкого и необычного для древней Руси, — Плутарха. Рассказ Плутарха, включенный Ефросином в свой сборник, посвящен греко-персидской войне и именно ее важнейшему событию — победе афинян при «Мафоне» (Марафоне). Источником Ефросина в этом случае была «Пчела»,¹⁴⁹ однако весьма характерно, что из этого памятника, обильного моральными изречениями древних мудрецов, наш писец выбрал не какую-нибудь благочестивую сентенцию, а исторический рассказ о победе «бесмертных супостатов» над «перским царем», едва ли не ассоциировавшийся у переписчика «Задонщины» с воспоминанием о победе над «царем» татарским.

«Гуманитарные» интересы Ефросина весьма ярко характеризуются краткими отрывками и отдельными записями на полях в его сборниках. Как и записи на «естественно-научные» темы, эти отрывки и заметки наиболее индивидуальны — подбор их всецело зависел от переписчика — и лучше всего говорят о его интересах. Эти интересы сказались уже при выборе небольших отрывков из тех авторов, о которых мы говорили. Можно было бы, конечно, считать случайностью обстоятельство, что Ефросин, переписывая «Еллинский летописец» (Малалу) и сообщив, что «Каин поя сестру другую Азару себе жене», опустил затем весь следующий далее библейский рассказ и перешел прямо к языческой мифологии: «Нин же сын Кронов другы, иже поя свою мать Семирамь жене себе».¹⁵⁰ Но, обратившись к другим текстам Ефросина, мы увидим, что интерес к языческой мифологии, как-то ассоциирующейся с мифологией библейской, проходит через все его сборники. Из Амартола Ефросин извлек именно рассказ о языческих богах (помещенный вслед за рассказом «о бозех жидовских»)¹⁵¹ В своем «потребнике» КБ-6 Ефросин поместил покаяние византийского мученика Киприана (III в.), состоящее почти сплошь из воспоминаний о том, как автор был «от младых ногот вдан Аполону на учение» и как он служил «Мифре» (Митре), Палладе, Артемиде и другим языческим богам.¹⁵² Поместив несколько рассказов об античных богах и героях, родившихся от «любодеяния», Ефросин наряду с этим написал (а затем почему-то зачеркнул) целый перечень библейских героев, «рожденных не от людей».¹⁵³ И даже в наиболее церковном из своих сборников, в «Синаксаре», на поле противоречивого «Многосложного свитка» Ефросин записал: «Боги их идолаи Крон и Дионис, Нира и Афродити...».¹⁵⁴

Ефросина интересовала не только античная мифология. Древние и отдаленные народы, их «неудобьпознаваемые» речи, их соотношение во времени с христианскими народами — весь этот материал Ефросин тщательно отмечает в тексте и на полях. Он чрезвычайно любит хронологические таблицы и хронологические отсчеты — будь то таблица царей, патриархов, соборов и еретиков, хронология от потопа до VII собора, хронология библейских пророков или христианских мучеников¹⁵⁵ и т. д. Такие записи, как «Иерусалим старей Рима лет 500 без 30 лет, а Рим старей Византии

¹⁴⁹ КБ-22, л. 324; текст так и озаглавлен: «От Пчелы. Плутарх». См.: В. Семенов Древнерусская пчела по пергаменному списку. СПб., 1893 (оттиск из: СОРЯС, т. LIV, 1893, № 4), стр. 45—47.

¹⁵⁰ КБ-11, л. 454.

¹⁵¹ КБ-11, лл. 379 об., 380—382.

¹⁵² КБ-6, лл. 155 об.—162. — Покаяние это читалось и в сборнике игумена Игнатия (Кир-Бел. 53/1130, лл. 341 об.—356 об.; рука не Ефросина).

¹⁵³ КБ-11, л. 226 об.

¹⁵⁴ ГИМ, Увар. 894, л. 351.

¹⁵⁵ КБ-22, лл. 113, 227—227 об., 286/2 об.—287/2, 370 об

лет 30-ю»,¹⁵⁶ постоянно читаются в тексте и на полях его сборников, в том числе и на полях церковно-служебного «Синаксаря».¹⁵⁷ Так же тщательно отмечается значение всевозможных необычных мер, денежных единиц и т. д.¹⁵⁸ Привлекали Ефросина и языки других народов. В ефросиновских сборниках мы читаем не только «толкование» «неудобьпознаваемым речам», встречающимся в книгах, написанных по «словенским и на сербским и другая болгарским и греческим»,¹⁵⁹ но и названия чисел по-татарски¹⁶⁰ и особую таблицу: «о месяцах кожде противу языку своему» (названия месяцев по-«римски», «египетски», «еврейски» и «еллиньски»).¹⁶¹ На поле одного из сборников Ефросин записал: «бамбак рекше бумага по грецки».¹⁶² Обобщая этот «филологический» материал, Ефросин не преминул сообщить, что на свете «язык человеческихъ 72, четвероногих же род 54, а рыбыя род 102, а змиина рода 103».¹⁶³

Ефросина, естественно, интересовала и география. Он, как мы уже знаем, дважды поместил в своих сборниках «Странник», или «Хожение», игумена Даниила в Палестину, причем в обоих сборниках сократил этот памятник, а в одном случае полностью выпустил все библейские сюжеты и описания чудес (даже чудес у гроба господня), оставив только описание маршрута и расстояний.¹⁶⁴ Помимо «Странника» Ефросин переписал также текст из какого-то иного «Странника», отметив в нем путь к Иерусалиму и из Иерусалима в Северную Русь (Белоозеро, Углич).¹⁶⁵ Географические сведения постарался извлечь Ефросин и из Иосифа Флавия, поместив в двух своих сборниках описание Генисаретского озера и Иордана, заимствованное из «Иудейской войны».¹⁶⁶ Географические сюжеты получили отражение и в записях Ефросина на полях. К упомянутому уже тексту «Странника», описывающему маршрут из Иерусалима в Русь, на поле сделана приписка, исправляющая указанные в тексте расстояния от Москвы и Белгорода до Киева; в другой приписке сообщается путь до «Святой горы» (Афон), в третьей даются любопытные сведения о «веси лопляни» (области северной Карелии, населенной карелами и лопарями — саами).¹⁶⁷

Разнообразные и многочисленные материалы, отразившиеся в четырех небольших сборниках Ефросина, свидетельствуют о его эрудиции в еще одной области человеческих знаний — библиографии. Использование Еф-

¹⁵⁶ КБ-22, л. 481, ср. лл. 164 об., 166, 307 об., 362, 402, 448; КБ-6, л. 187.

¹⁵⁷ ГИМ, Увар. 894, л. 12 об.

¹⁵⁸ КБ-22, лл. 208 об. (стоимость драхмы), 271 об. (о денежных единицах), 285 об. («100 мь златником наполни кораб пшеницы. . .» — может быть, арифметическое упражнение); КБ-11, лл. 195 (римские военные единицы), 227—227 об.; КБ-9, л. 9 (стоимость драхмы). — Специальный интерес Ефросина к различным денежным единицам выразился и в том, что на поле листа с рассказом из Палестины о продаже Иосифа он сделал приписку: «А цена его писана в тетради 44, впреди» (КБ-9, л. 271) — и действительно поместил в соответствующем месте (КБ-9, л. 474) рассказ о продаже Иосифа (близкий к Палестине) с указанием его цены в златниках и динариях.

¹⁵⁹ КБ-22, лл. 263—264.

¹⁶⁰ КБ-22, л. 168.

¹⁶¹ КБ-22, л. 112 об.

¹⁶² КБ-9, л. 83.

¹⁶³ КБ-22, л. 168.

¹⁶⁴ КБ-9, лл. 129 об.—191; КБ-11, лл. 218—221 об.; текст этот соответствует тексту в книге А. С. Норова «Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в.», стр. 104—154, но с большими пропусками.

¹⁶⁵ КБ-22, лл. 222 об.—223 об.

¹⁶⁶ КБ-11, л. 387—387 об.; КБ-9, лл. 260—261 об.; ср.: Н. А. Мещерский. История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе, стр. 316—317.

¹⁶⁷ КБ-22, лл. 223 об., 244 об., 370 об. [«в веси лопляни нарицаема Ротели (?»]; далее текст срезан при переплете: «. . . дотиа православнии в пределех аварских и асийских»].

росином обширных и очень сложных по составу памятников, его умение сопоставлять эти памятники и дополнять одни памятники другими — все это говорит о том, что Ефросин был не только редактором-книгописцем, но и большим знатоком современной ему книжности. Мы уже знаем, что в своих записях Ефросин отмечал количество книг в Троицком монастыре, упоминал наличие редкой переводной книги в Кирилловом монастыре и ссылался на использованные им монастырские книги. Постоянно упоминая в своих сборниках древнейшего писца и собирателя книг — царя Соломона, Ефросин сопоставлял его с библиофилами более позднего времени — с «Исидором книголюбом» и даже «Оригеоном еретиком»; в другом месте он замечал на поле: «некто Дмитрией книгохранитель, яко суть книг собрано пол шести тмы и еще посла в Иерусалим о книгах».¹⁶⁸ Естественно, что Ефросин вспомнил и древнейшего переводчика греческих книг «на словенскы язык» Кирилла.¹⁶⁹

Но источником разнообразных познаний Ефросина были не одни только книжные богатства монастырских книгохранилищ. Переходя из одного монастыря в другой, любознательный книгописец не чуждался и тех познаний и известий, которые он мог почерпнуть вне монастырских стен; на полях своих сборников он отмечал даже такие новости, как, например: «на Москве некто тать именем Куладар до 300 церквей покрал».¹⁷⁰ Ефросин следил, конечно, и за книжными новинками, появившимися в «миру». Такой новинкой была, очевидно, «Псалтырь» Федора, переведенная в эти годы, такими же новинками были «Свиток Иерусалимский» («Епистолия о неделе») и «Повесть о Дракуле» — литературные памятники, о которых мы будем говорить ниже. Здесь мы остановимся только на одном из таких памятников, весьма интересном. Это послание Феофила Дедеркина великому князю Василию Васильевичу Темному «из Заримья из латыны», где рассказывается, как некий «князь Микалай» «латинскаго языка и веры» в конце 1456 г., незадолго до своей смерти, «порочествовал на свою веру на латиньскую» и как через три дня после его смерти в «Римской стране» и соседних землях произошло страшное землетрясение, в результате которого погибло 45 городов (перечисленных в послании).¹⁷¹ П. Симони, издавший этот памятник в предисловии к «Задонщине», отметил его историко-литературную ценность, но отказался от его исследования; в надписании этого памятника он видел скорее «ложный адрес», так как предположительно отождествлял автора послания Феофила и «князя Миколая» с врачами Феофилом и Николаем Булевым, присутствовавшими при кончине Василия III в 1533 г., т. е. почти спустя 80 лет после даты, поставленной на послании.¹⁷² А между тем сопоставление с иностранными источниками XV в. показало бы П. Симони, что перед нами не сказка, написанная задним числом, а рассказ об огромном землетрясении, действительно происшедшем в Италии и других странах Западной Европы в ночь с 4-го на

¹⁶⁸ КБ-9, лл. 223 (ср. такое же сравнение в сборнике БАН, 4. 3. 15, л. 44 об.), 464.

¹⁶⁹ КБ-22, л. 439 об. — Интерес Ефросина к истории наук получил отражение в его заметке о первом астрономе Мунде (Мунте), внуке Ноя (КБ-22, л. 341 об.), отличающейся от другого рассказа о том же Мунте, помещенного им в составе Палеи (КБ-11, л. 287—287 об., см. ниже, стр. 160).

¹⁷⁰ КБ-9, л. 2. — Этого Куладара, может быть, следует сопоставить с Кулодаром Ирешским выдавшим Дмитрию Шемяке замыслы Василия II и за это наказанным кнутом (ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 150—151).

¹⁷¹ КБ-9, лл. 517 об—519 об.

¹⁷² П. Симони. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий, стр. 13—16. — П. Симони призывал профессоров Н. Ф. Сумцова и В. Н. Перетца исследовать этот памятник, но, насколько нам известно, они им не занимались.

5-е декабря 1456 г.,¹⁷³ подробно записанный по горячим следам события. История проникновения послания на Русь (и установление его иностранного источника) требует еще дополнительного исследования, но ясно, что перед нами еще одно свидетельство научных интересов Ефросина и его знакомства со свежей литературой его времени.

Каково было идеологическое значение книгописной деятельности Ефросина — ощущал ли Ефросин какое-либо противоречие между своей деятельностью и традициями обычного церковного книгописания? Ефросиновские сборники, как мы уже отмечали, не дают оснований считать Ефросина еретиком и вообще приписывать ему какие-либо определенные идеологические воззрения. Такого рода выводы невозможны по самому характеру этого источника, подобранного, составленного и переписанного, но не сочиненного (по крайней мере, насколько нам это известно) Ефросином. На основании ефросиновских сборников мы можем говорить не о его мировоззрении, а о его интересах.

Но интересы его были весьма необычны и далеко не соответствовали тем нормам, которые церковь предписывала благочестивым книголюбцам. Ефросин не мог не знать, что многие из переписанных им сочинений входили в индексы «отреченных книг». И он знал это. В одном из его сборников мы читаем как раз такой индекс: «От посланья преподобнаго отца нашего Никона о скровных книгах, яко еретическая суть списанья; в числе «ложных» книг здесь названы «Ездры откровение», «Епистолия о недели», «Лоб Адамль», «О Соломони цари басни и кощюны и о Китоврасе», «О господе нашем, рекше како в попы поставлен», «Сставленные (неканонические) псалмы», а в числе «злых» — «громник» и «ксядник».¹⁷⁴ Все перечисленные здесь сочинения помещены в его сборниках; «басни» о Соломоне и Китоврасе подобраны, как мы увидим, с особой тщательностью и полнотой, а сказание о иерействе Христа¹⁷⁵ и «пророка Ездры творение» читаются в том же сборнике, одно на 40 листов выше, другое на 60 листов ниже приведенного индекса. Не менее интересен другой факт. Поместив в своем сборнике апокрифическое «Сказание о 12 пятниц», Ефросин приписал: «Сего во зборе не чти, ни многим являй»; следовательно, он знал и помнил во время написания этого памятника его запретность, но не мог удержаться от того, чтобы переписать его и притом вторично: «впервые» он писал это послание, по его собственному признанию, несколько лет назад.¹⁷⁶

Сами по себе и каждый в отдельности памятники, переписанные Ефросином (за исключением некоторых из них, встречающихся только в его сборниках), не были полностью необычны для древнерусской книжности. Апокрифы встречались во многих рукописях XV—XVI вв.; переписыва-

¹⁷³ С. Baronius. *Annali ecclesiastici*, t. XXIX, 1454—1480. Barri-Ducis, 1876, стр. 100; *Veterum scriptorum et monumentorum historicum ... collectio* (ed. E. Marten et U. Durant). Paris, 1729, стр. 494; *Pii II ... commentarii* (ed. J. Gobelinus). Roma, 1584, стр. 51. Дата, сообщаемая у Ефросина — 4/5 декабря 1456 г., является, по-видимому, наиболее точной датой землетрясения (ср.: M. Baratta. *I terremoti d'Italia*. Torino, 1901, стр. 67—68).

¹⁷⁴ КБ-22, лл. 39 об.—42. — Это послание читалось и в сборнике игумена Игнатия, в котором участвовал Ефросин (ГПБ, Кир.-Бел. 53/1130, лл. 551—552 об., рука не Ефросина)

¹⁷⁵ КБ-22, л. 1—1 об. — Рассказ близок, но не совпадает буквально с рассказом «Написание Иисусова на иерейство», изданным Н. Тихонравовым (Памятники отреченной русской литературы, т. II, стр. 164—173). Об «Адамовой главе» см.: КБ-22, л. 216 об.; КБ-11, лл. 196—197 об. (оба текста не совпадают с рассказом, помещенным у Н. Тихонравова: там же, т. I, стр. 307, 310).

¹⁷⁶ КБ-11, лл. 234 об.—235. — В рукописи весь текст «12 пятниц», кроме первой и последней страницы, вырезан, а начало его (л. 234 об.) зачеркнуто.

лись, хотя и в небольшом количестве, и памятники, восходящие (через посредство Византии) к античности. Но важен самый характер подбора этих памятников, важно, что именно искали и находили в них переписчики. Большинство апокрифических памятников имело вполне церковный характер — их апокрифичность заключалась только в том, что они не были включены в официальный корпус «писаний»; из античных авторов византийские компиляторы и их русские последователи выбирали высказывания, сходные с духом христианского учения (или приписывали им такие высказывания).

Иное дело — Ефросин. Библейская, апокрифическая, античная и современная литература были для него прежде всего источником знаний. Вот почему он извлекал из доступных ему ничтожных обрывков античной литературы то же самое, что извлекали из них его западные современники-гуманисты, — естественно-научные и исторические сведения. Повторяем еще раз: мы не знаем, к каким выводам приводило Ефросина изучение этого материала и вообще ничего не знаем о его мировоззрении, мы знаем только, какие книги собирал и переписывал этот писец. Но уже интерес к таким книгам, независимо от воли Ефросина, приводил его в противоречие с господствующей церковной традицией.

III

Научные интересы не были для Ефросина единственным критерием при подборе памятников, включенных в его сборники. Не менее важным критерием были для него интересы эстетические, побуждавшие Ефросина переписывать памятники занимательные и ценные в художественном отношении. Об эстетических склонностях Ефросина свидетельствуют нотные тексты, в большом количестве помещенные в его сборниках;¹⁷⁷ об этом же свидетельствуют и многие литературные памятники его сборников.

Господствующая церковная идеология средневековой Руси не знала эстетического подхода к памятникам литературы — любые «басни и кощюны» и «неполезные повести» эта идеология решительно отвергала. Эстетические интересы Ефросина заставляли его обращаться к памятникам устного народного творчества (где художественная струя всегда была сильнее и свободнее, чем в письменной литературе) и к «отреченным» апокрифическим «басням и кощюнам». И в этом случае Ефросин вольно или невольно нарушал хорошо известные ему идеологические нормы: «иде же есть скомрашии речи и пустошная беседа, ту гнев божий и пагуба души, а бесом радость»,¹⁷⁸ — записывал он в своих сборниках, а спустя некоторое время вписывал в эти же сборники явные «скомрашии речи».

Многие памятники в ефросиновских сборниках тесно связаны с устным народным творчеством. В первую очередь среди них следует назвать «Слово о хмеле», помещенное от имени «Кирилла философа словеньскаго» — памятник, оказавший значительное влияние на литературу XVII в.¹⁷⁹

¹⁷⁷ КБ-9, лл. 237—237 об., 276—282, 289—296 об., 299—300 об., 302 («а се имена знамянием...»), 303—307 об., 462 об.; КБ-11, л. 389. — Большинство этих нотных текстов (за исключением КБ-9, л. 462 об.) написано не самим Ефросином, но, как и другие тексты, они отредактированы и пронумерованы его рукой. Рукой Ефросина написаны стихиры в сборнике Кир.-Бел. 306/563.

¹⁷⁸ КБ-22, л. 441; ср. там же «Слово» св. Ефрема «о русалиях рекше о скомрасех» (лл. 356 об—359 об.).

¹⁷⁹ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II. СПб., 1898, стр. 543—544. Издание «Слова о хмеле» по спискам XVII—XVIII вв. см.: Е. Петухов. К вопросу о Кириллах-авторах в древней русской литературе. — СОРЯС, т. XLII, 1887, № 3, стр. 22—27; несколько иной вариант (вместо «хмеля» монолог произносит «пьян-

Здесь нам особенно важно отметить народно-поэтический характер этого памятника, написанного ритмической прозой, переходящей в стихи:

Лежа не мощно бога умолити,
 Чти и славы не получиши...
 Пианьство князь и боляром землю пуну створяет,
 А людей добрых и равных и мастеров в работе счиняет...
 О ком молва в людех? — О пианицы.
 Кому сини очи? — Пианицы.
 Кому охание велико? — Пианицы.
 Кому горе на горе? — Пианицы.¹⁸⁰

Другое поэтическое произведение, помещенное у Ефросина, — «Стих старина запивом» («плач Адама» о рае).¹⁸¹ Уже П. Симони обратил внимание на то, что слово «старина», употребленное здесь Ефросином, совпадает с обычным северным наименованием былин — старина;¹⁸² очевидно, этот «духовный стих» исполнялся напевом («запивом») былин.¹⁸³ Свою тесную связь с устной поэзией «плач Адама» сохранил и в последующие времена, неизменно фигурируя в репертуаре народных сказителей.¹⁸⁴

Художественные интересы Ефросина определили включение в его сборники целого ряда апокрифических памятников, близких к фольклору по своему происхождению и дальнейшему бытованию. К числу таких памятников принадлежат, например, своеобразные притчи-загадки, в большом числе помещенные Ефросином. Уже Варлаам, описывая сборник КБ-9, отметил, что здесь «вместе с различными притчами есть и странные»,¹⁸⁵ и приводил далее следующий диалог внука с бабкой из этого сборника: «Рече внук бабе: Баба, положи мя у себе. И рече ему баба: Како ми тебе положити? А ты мя родил».¹⁸⁶ Этот диалог (с разгадкой: Христос и земля) читается в одной из редакций известного апокрифического памятника — «Беседа трех святителей»; по своему содержанию эта редакция имеет черты близости с западноевропейским памятником, называвшимся «Josa monachorum» («Монашеские игры») и носившим скорее занимательный, нежели религиозно-назидательный характер.¹⁸⁷ Трудно сказать, какой смысл имело для Ефросина включение в его сборники приведенной «странной притчи» (вспомним его интерес к темам кровосмесительства в языческой и библейской мифологии), но «притча» эта была не единст-

ство) — Ф. И. Булгаков. Сборник повестей скорописи XVII в. — ПДП, I—V. СПб., 1879, стр. 91—92.

¹⁸⁰ КБ-9, лл. 520—523. — Текст полностью опубликован Варлаамом: Варлаам. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря, стр. 64—65.

¹⁸¹ КБ-9, л. 318; опубликовано в кн.: П. Симони. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий, стр. 13.

¹⁸² П. Симони. Задонщины по спискам XV—XVIII столетий, стр. 13.

¹⁸³ Такое понимание заголовка памятника предложено в неопубликованном исследовании В. П. Адриановой-Перетц «Из истории духовного стиха», любезно представленном нам автором. П. Симони читал заголовок: «старина за пивом», считая, что произведение исполнялось во время трапезы.

¹⁸⁴ П. Безсонов. Калики перехожие, вып. VI. М., 1864, стр. 236—303.

¹⁸⁵ Варлаам. Описание сборника XV столетия Кирилло-Белозерского монастыря, стр. 23.

¹⁸⁶ КБ-9, л. 192 об.

¹⁸⁷ Памятники старинной русской литературы, вып. III. Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. СПб., 1862, стр. 170; И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890, стр. 387—388; ср.: И. Н. Жданов. Беседа трех святителей и Josa monachorum. — Сочинения, т. I, СПб., 1910, стр. 764—765, 766—773, 775—788 (в приведенном И. Н. Ждановым латинском тексте нет загадки «Христос — земля»; есть только сходная загадка «Авель — земля»); В. Н. Перетц. Студії над загадками. — Етнографічний вистник, кн. X. Київ, 1933, стр. 157.

венной в его сборниках — мы встречаем здесь ряд подобных загадок на библейские темы¹⁸⁸ и рядом с ними две загадки обратного характера: дважды родившимся «пророком» здесь оказывается «кур» (петух),¹⁸⁹ а героем, испытывавшим судьбу Адама, Евы, Ильи и трех отроков, — глиняный горшок.¹⁹⁰ И, что для нас особенно интересно, почти все приведенные Ефросином «странные притчи» сохранились в русском фольклоре и далее — в качестве шуточных загадок.¹⁹¹

Апокриф-притча¹⁹² и апокриф-сказка занимает в ефросиновских сборниках важное место наряду с «научно-познавательной» апокрификой; книгописца XV в. явно привлекали в апокрифической литературе те же черты, какие заинтересовали и исследователей XIX в., издававших «памятники отреченной литературы» (Н. С. Тихонравов, А. Н. Пыпин и др.): художественность апокрифических легенд, их ценность как памятников литературы.

Богатство сказочно-апокрифического материала — характерная особенность Толковой Палеи, читающейся в сборниках Ефросина. Особенно широко представлены здесь легенды о Соломоне, и в частности легенда о чудесном помощнике Соломона, полузвере, получеловеке, кентавре Китоврасе, — легенда, широко распространенная и в восточной, и в западноевропейской письменности и оказавшая влияние на литературное творчество многих народов.¹⁹³ Как мы уже отметили, легенды о Соломоне и Китоврасе помещены у Ефросина в начальной части «Книги, нарицаемой Палея» (после рассказа о миротворении); помещены они у него и вне Палеи.¹⁹⁴ Особенно интересен у Ефросина отдельный рассказ о Китоврасе

¹⁸⁸ КБ-9, лл. 192 об.—193 (ср.: В. Н. Перетц. Студії над загадками, стр. 193), КБ-11, лл. 222, 235—235 об. (ср.: там же, стр. 195—196).

¹⁸⁹ КБ-9, л. 262 об. (ср.: В. Н. Перетц. Студії над загадками, стр. 136).

¹⁹⁰ КБ-22, л. 440 об. (ср.: В. Н. Перетц. Студії над загадками, стр. 187—188).

¹⁹¹ Д. Садовников. Загадки русского народа. СПб., 1901, №№ 2184, 2185 (загадка «дочь Лота и ее сын»), № 943, вариант «г» (петух-пророк), № 334 (горшок); М. А. Рыбникова. Загадки. М.—Л., [1932], стр. 261 (петух), 354—355. — За помощь в подборе параллельного фольклорного материала я весьма признателен В. В. Митрофановой.

¹⁹² К числу притч апокрифического характера (с оттенком богомилства), помещенных у Ефросина, относится и проложное «Слово о правде и неправде», где говорится, что «первое створена бысть правда богомъ в человецех, потом же от неприязнена ума вьста неправда, и нача бороться в человецех» (КБ-6, лл. 347 об.—349). «Слово» это иногда читается отдельно (ВМЧ, апр. 1—8. СПб., 1910, стлб. 169—171; ср.: ГБЛ, Унд. 541, л. 164 и Унд. 575, л. 108), иногда как часть «Слова Петра некоего о супротивлении всяцем» (ВМЧ, дек. 18—23. М., 1907, стлб. 1673—1675). Уже Н. Петров (О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога. Киев, 1875, стр. 242) указывал на то, что «Слово» это по содержанию напоминает народный стих о правде и кривде.

¹⁹³ Ср.: А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. — Собрание сочинений, т. VIII, вып. 1, Пгр., 1921.

¹⁹⁴ В сборниках Ефросина легенды о Соломоне расположены следующим образом внутри Палеи (КБ-11) — начало судов Соломона (л. 268 об.; ср. в дополнительной части Палеи первой редакции: ГПБ, Кир.-Бел. 68/1145, л. 362 об.; в основной части Палеи второй редакции: ГПБ, Погод. 1435, л. 343 об.), второй суд (л. 268 об.—271; Кир.-Бел. 68/1145, лл. 362 об.—364; Погод. 1435, лл. 343 об.—344), о двуглавом муже, оставленном Китоврасом (лл. 271—272; Погод. 1435, л. 341; в Кир.-Бел. 68/1145 нет, может быть из-за лакуны в рукописи), о Китоврасе (л. 272 об.—276; Кир.-Бел. 68/1145, л. 367—367 об.—только конец, начало вырезано; Погод. 1435, лл. 334 об.—335, лист посредине вырван), о престоле Соломона (л. 276—276 об.; Кир.-Бел. 68/1145, л. 369; Погод. 1435, лл. 342 об.—343, с большими отличиями), о мудрости Соломона (л. 276 об.—277; Кир.-Бел. 68/1145, л. 369—369 об.; в Погод. 1435, л. 343 иначе), о родословной Соломона (л. 277; в Палее сходного текста нет); вне Палеи — иной рассказ о Китоврасе (КБ-11, лл. 262—263; см. о нем ниже), о потире (чаше) Соломона (КБ-11, лл. 228 об.—230; КБ-22, л. 513; Кир.-Бел.

(дублирующий помещенный у него же рассказ на эту тему внутри Палеи). Рассказ этот имеет заголовок «О Китоврасе от Палеи», но ни в одной из известных нам редакций Палеи ни в основном тексте, ни в добавлениях его нет. Не отмечается этот вариант и в научной литературе.¹⁹⁵ В наиболее известном рассказе Толковой Палеи о Китоврасе (в дополнительном тексте ряда списков первой редакции Палеи и в основном тексте второй редакции) рассказывается о поимке Китовраса (с помощью колодцев с вином), о его мудрости и силе — когда Соломон снял с него «ужи», Китоврас забросил его на край земли.¹⁹⁶ В рукописной традиции XVII в. сохранился и другой рассказ о Китоврасе, где тот оказывается не просто зверем, а царем-оборотнем, братом Соломона; вместе с коварной женой Соломона он пытается его погубить.¹⁹⁷ Уже А. Н. Веселовский указывал, что некоторые элементы этой легенды XVII в. древнего происхождения: на вратах Софийского собора Китоврас изображен в короне с фигуркой Соломона в руке; надпись к изображению называет Соломона братом Китовраса.¹⁹⁸ Рассказ о Китоврасе, помещенный у Ефросина, подтверждает древность легенды о Китоврасе — брате Соломона. Здесь также говорится о Китоврасе (в конце рассказа): «глаголють его, яко царев сын Давидов». Но жертвой женского коварства оказывается в рассказе Ефросина не Соломон, а Китоврас: «Стан человекъ, а ноги коровии, рекше баснят (?) жену во ухе носил. Тою хитростию яли его: жена его сказала юноши, любовнику своему, так: обходить днем да ношию много земель, да приходит к некоему месту, на нем же два кладязя». Далее следует уже известный нам рассказ о поимке Китовраса с помощью колодцев с вином. Но рассказ о свидании Китовраса с Соломоном краток и отличен от других известных рассказов: «И привели ко царю Соломону. Царь въпросил его: Что есть узорчнее во свете семь? Он же рече: всего есть лучши своя воля. Абие крянулся и все переломал и поскочил на свою волю».¹⁹⁹

Сравнение Палеи, помещенной у Ефросина, с другими редакциями Толковой Палеи обнаруживает и другие дополнения фольклорно-апокрифического характера. Таким дополнением является, например, помещенная у Ефросина легенда о том, как дьявол решил напакостить Ною во время строительства ковчега. Сперва дьявол подговорил жену Ноя дать мужу

68/1145, лл. 375 об.—376; во второй редакции этот рассказ не в тексте, а в дополнении — Погод. 1435, лл. 450 об.—451), первый суд Соломона (КБ-11, л. 230—230 об.; КБ-22, л. 18 об.; Кир.-Бел. 68/1145, л. 362 об.; Погод. 1435, л. 343 об.), о царице Моалкотошке (КБ-9, лл. 194—195; Кир.-Бел. 68/1145, лл. 367 об.—368; Погод. 1435, л. 341 об.), загадки Моалкотошки (КБ-9, лл. 195—196; Кир.-Бел. 68/1145, л. 368—368 об.; Погод. 1435, лл. 341—342), суд на блудницах (КБ-9, лл. 196—197 об.; Кир.-Бел. 68/1145, лл. 369 об.—370; Погод. 1435, л. 333—333 об.), Соломон и дочь фараона (КБ-9, лл. 197 об.—198; Кир.-Бел. 68/1145, лл. 364 об.—365; Погод. 1435, л. 334 об.), о богатом муже и его наследнике (КБ-9, лл. 198—200; Кир.-Бел. 68/1145, лл. 365—366; Погод. 1435, лл. 344 об.—345 об.), рассказ о «смысле женском» помещен у Ефросина внутри рассуждения о злых и добрых женах (КБ-9, лл. 118—119 об.; Кир.-Бел. 68/1145, л. 364—364 об.; Погод. 1435, л. 344 об.). В целом легенды о Соломоне у Ефросина ближе (по тексту и порядку изложения) к дополнительным статьям первой редакции (Кир.-Бел. 68/1145), чем ко второй редакции Палеи. Помимо перечисленных у Ефросина помещен еще ряд статей о строительстве храма Соломона, не находящихся прямых соответствий в Палее.

¹⁹⁵ Помимо указанной монографии А. Н. Веселовского ср.: А. М а з о н. *Le Centaure de la légende vieux-russe de Salomon et Kitovras.* — *Revue des études slaves*, t. VII. Paris, 1927.

¹⁹⁶ См. этот рассказ: *Памятники отреченной русской литературы*, изд. Н. Тихоновым, т. I, стр. 254—257; *Памятники старинной русской литературы*, вып. III, стр. 51—52.

¹⁹⁷ *Памятники старинной русской литературы*, вып. III, стр. 59—61.

¹⁹⁸ А. Н. Веселовский, *Собрание сочинений*, т. VIII, вып. 1, стр. 256—257.

¹⁹⁹ КБ-11, л. 262—263.

траву хмель и разузнать у него, где находится ковчег, чтобы уничтожить его. Когда же ковчег, несмотря на все его пакости, был сооружен, дьявол убедил жену Ноя не идти туда; разъяренный Ной крикнул ей: «Поиди, дьяволе» — и таким образом сам пригласил к себе дьявола. Дьявол обернулся мышью и стал грызть ковчег, но бог наслал на него kota и кошку — «и оттоле почаша быти коты».²⁰⁰

Ни в одной из редакций Толковой Палеи нет этого рассказа; мы можем зато обнаружить его в составе одного из памятников, также традиционно называющихся в научной литературе Палеями, но имеющими очень мало общего с известной уже нам Толковой Палеей (одной из редакций которой, при всем своем своеобразии, является и Палея Ефросина). Речь идет о «Книге бытия небеси и земли», именуемой в литературе Исторической Палеей, и о безымянном памятнике, названном А. Н. Поповым Сокращенной Палеей русской редакции, — двух компиляциях, построенных на библейском материале (без полемических истолкований), но ином, чем в Толковой Палее. Рассказ о Ное у Ефросина совпадает с соответствующим рассказом Сокращенной Палеи русской редакции;²⁰¹ сходный рассказ помещен и в составе позднего апокрифического «Сказания Мефодия Патарского».²⁰² С Сокращенной Палеей русской редакции совпадает и другой апокрифический рассказ в Палее Ефросина — о сыне Ноя Мунте, которого бог «вдал грамату».²⁰³

Был ли этот рассказ Сокращенной Палеи включен в состав Толковой Палеи Ефросином²⁰⁴ или он читался уже в той (до сих пор неизвестной в литературе) редакции Толковой Палеи, которую этот книгописец использовал,²⁰⁵ мы не знаем, но вполне ясно, что именно привлекало Ефросина в апокрифическом рассказе о Ное: по своему фольклорному характеру сказание о Ное и дьяволе (как и остальные упомянутые нами сказания) вполне гармонирует с общим духом ефросиновских сборников. «Се есть хмель равнець, умному на веселие, на сватбу, на кумовство, на братство и на все доброе, а безумному на бои, на работу, и на все злое»,²⁰⁶ — говорит Ной, познакомившись с хмелем. Исследователи уже обратили внимание на то, что легенды о Ное, сохранившиеся и в живом русском фольклоре XIX в.,²⁰⁷

²⁰⁰ КБ-11, л. 282—284.

²⁰¹ Сокращенная Палея русской редакции: А. Н. Попов. Книга бытия небеси и земли (Палея Историческая) с приложением Сокращенной Палеи русской редакции. — ЧОИДР, 1881, кн. I, стр. 10—12.

²⁰² Памятники старинной русской литературы, вып. III, стр. 17—18.

²⁰³ КБ-11, л. 287—287 об.; Сокращенная Палея русской редакции, стр. 15. Ср.: Памятники старинной русской литературы, вып. III, стр. 19.

²⁰⁴ О знакомстве Ефросина с основным источником Сокращенной Палеи — «Книгой бытия небеси и земли» (Исторической Палеей) — свидетельствует апокрифический рассказ о походе Моисея на Индию и уничтожении им змей с помощью «стерков» — аястов (КБ-22, лл. 113 об.—114; Палея Историческая. — ЧОИДР, 1881, кн. I, стр. 63—64; ср. тот же рассказ, но без упоминания о «стерках» в Сокращенной Палее русской редакции: там же, стр. 40—41). Название «Книга бытия небеси и земли» встречается у Ефросина (КБ-22, л. 232), но не в применении к Исторической Палее.

²⁰⁵ В литературе уже высказывалась мысль о возможности влияния Исторической Палеи и Сокращенной Палеи русской редакции на Толковую Палею (ср.: В. П. Афанасьев в а. К литературной истории Толковой Палеи, стр. 35—36). Сборники Ефросина дают прямые доказательства связи между этими памятниками. Но сборники Ефросина древнее единственного известного нам списка Сокращенной Палеи русской редакции (как и «Сказания Мефодия», где есть тот же рассказ о Ное); можно предположить поэтому, что именно Толковая Палея в редакции, сохраненной Ефросином, повлияла на Сокращенную Палею.

²⁰⁶ КБ-11, л. 282 об.

²⁰⁷ А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды. М., 1914, № 14, стр. 129—131.

примыкают к целому кругу сказаний о хмеле (богомильских по своему происхождению), одним из которых является уже известное нам «Слово Кирилла-философа».²⁰⁸ Зная библиографические наклонности Ефросина, его любовь к такого рода тематическим комплексам, мы не удивимся, обнаружив в его сборниках и «Слово Кирилла», и легенду о Ное и хмеле.

Влияние устного народного творчества можно видеть еще в одном палеинном рассказе из сборников Ефросина — рассказе о Самсоне. Рассказ этот, помещенный у Ефросина дважды, внутри Палеи и вне ее, в общем сходен с текстом Библии и Толковой Палеи, но имеет одно характерное отличие от них — «иноплеменници», пленившие Самсона, именуются не филистимлянами, а татарами: Самсон «изби ... 1000 муж татар», «понял себе жену от татар», и жена эта (которая в ефросиновском тексте выразительно именуется «злая львица Далида») предала его «татаром».²⁰⁹ Интерполяция эта явно не случайна, так как встречается у Ефросина в обоих текстах (но в разных местах); для того чтобы ее понять, следует вспомнить, что и в дошедшем до нас былинном эпосе Самсон выступает как богатырь, совместно с Ильей Муромцем и другими богатырями воюющий против татар.²¹⁰

Значение ефросиновских сборников в истории древнерусской литературы отнюдь не исчерпывается тем обстоятельством, что Ефросин внес в них поэтические и сказочно-апокрифические тексты. В рукописях Ефросина до нас дошли наиболее древние тексты ряда важнейших памятников литературы. Рукой Ефросина написаны древнейшие списки «Задонщины», «Повести о Дракуле», «Хожения» игумена Даниила, сербской «Александрии», «Сказания об Индийском царстве», «Снов царя Шахаиши», «Епистолии о неделе («Свитка Иерусалимского»).

Среди этих памятников особенно важное место в глазах Ефросина несомненно занимала «Александрия». Памятник этот представлен в сборниках Ефросина с такой полнотой, которая может показаться исключительной даже для этого книгописца. Материал об Александре Македонском Ефросин мог извлечь из Толковой Палеи, составитель которой пользовался рассказом об Александре из Амартола и одной из редакций «Александрии». Ефросин, как он это часто делал, обратился здесь не к наиболее короткому изложению Палеи, а к Амартолу, поместив два отрывка об Александре из его Хроники.²¹¹ Но это его не удовлетворило. В сборнике КБ-11 он полностью поместил так называемую сербскую «Александрию».²¹² Список Ефросина не только древнее всех известных русских списков этой редакции, но значительно старше и тех югославянских списков, по которым «Александрия» была издана сербским исследователем С. Новаковичем;²¹³ текст «Александрии» у Ефросина в ряде случаев, несомненно, дает более древние чтения, чем в опубликованных югосла-

²⁰⁸ А. Н. Веселовский. Памятники литературы повествовательной. — В кн.: А. Галахов. История русской словесности, древней и новой, т. 1, отд. 1. М., 1894, стр. 465—472.

²⁰⁹ КБ-11, лл. 320 об., 383 об., 384 об.—385 (ср.: Книга Судей, гл. 16); Толковая Палея, лл. 299 об.—302 (ср.: ГПБ, Погод. 1435, л. 258—258 об.).

²¹⁰ Ср., например, сборник: Илья Муромец. Под ред. А. М. Астаховой. М.—Л., 1958, № 12 (стр. 89—90), № 13 (стр. 103—105, 109—110), № 16 (стр. 139), № 57 (стр. 329).

²¹¹ КБ-11, лл. 337—341 об., 483— об.; ср.: Хроника Георгия Амартола, стр. 42—45

²¹² КБ-11, лл. 20—194 об.

²¹³ Ст. Новаковић. Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности. II оделенење гласника српског ученог друштва, кн. IX. Београд, 1878 (далее. Новакович).

вянских списках.²¹⁴ Заканчивается текст сербской «Александрии» у Ефросина обычной для него и отсутствующей в югославянских списках хронологической сводкой царей от Александра Македонского до пришествия Христа.²¹⁵ В другом ефросиновском сборнике также полностью (начало отсутствует из-за какого-то механического дефекта) помещена иная, не менее пространная редакция «Александрии» — так называемая первая хронографическая редакция (по классификации В. Истрина).²¹⁶ Дополнение к этой редакции, статья Палладия «О рахманех», читается отдельно в том же сборнике, где помещена сербская «Александрия».²¹⁷ Помимо этого в том же сборнике имеется еще краткая заметка о «воздухохождении» Александра (полет по воздуху на грифах).²¹⁸ И, наконец, у Ефросина содержится еще чрезвычайно редкий и интересный рассказ «От Александра Макид[оньскаго]», неизвестный в русской рукописной традиции и обнаруженный в свое время А. Н. Веселовским в болгарской рукописи XV—XVI вв. В этом рассказе, восходящем к какому-то греческому народному преданию, повествуется о том, как Александр во время своих странствий нашел живую «породимскую» воду, которую велел охранять некоему юноше; но дочь Александра, соблазнив и убив юношу, похитила воду, стала «невидима и бессмертна» и была за это проклята отцом; заканчивается рассказ рассуждением о женщине как об «общем враге».²¹⁹

Настойчивое возвращение Ефросина к темам «Александрии» свидетельствует о том, что круг идей, лежащих в основе этого произведения, чем-то особенно волновал книгописца. Говоря о популярности «Александрии» на Руси, Н. К. Гудзий справедливо отмечал: «Судьба идеального героя, одаренного необычайными качествами, превосходящими челове-

²¹⁴ Уже А. Н. Веселовский обратил внимание на то, что притча, заимствованная в «Александрии» из «Повести о Варлааме и Иоасафе», изложена в КБ-11 логичнее и, очевидно, ближе к первоначальному тексту, чем в славяно-сербских списках (А. Н. Веселовский. О славянской редакции одного аполога Варлаама и Иоасафа, стр. 7); он не заметил, однако, что отдельный текст этой притчи (КБ-22, л. 107—107 об.), с которым он сравнивал вставку в «Александрии», также содержится в сборнике, писанном Ефросином. Речь персов Дарию (сравнение с кораблем) также читается в КБ-11 (л. 88 об.—89) явно лучше, чем в югославянских списках (Новакович, стр. 59—60). Список КБ-11 расходится с югославянскими списками в тех случаях, когда речь идет о полководцах Александра; и в этом случае изложение КБ-11 представляется более последовательным: здесь говорится, что Александр «Филона в Персиде остави» (л. 109 об.); далее рядом с Александром действует Птоломей (л. 115 об.), а затем Филон от «Персиды прииде... ко Александру» (л. 140); в югославянских списках Александр «Селевка в Персиде остави» (Новакович, стр. 76); Филон продолжает действовать с Александром (стр. 81), а затем он неожиданно все-таки оказывается в Персии (стр. 99) и приходит оттуда (стр. 102). Но в КБ-11, несомненно, имеются и следы подновления текста: Гомер, которого читает Александр, превращается в книгу «о разорении Ерусалиму» (КБ-11, л. 67; ср.: Новакович, стр. 40). Вместо указания, что языческие боги будут сидеть в пещере «до скончания века», а после 7000 г. — «скончавшимсье седмиы веком» — будут ввержены в ад (Новакович, стр. 117), говорится: «до втораго пришествия господня, а по втором пришествии господни ввержени будут...» (л. 158); поправка, видимо связанная с тем, что список писался как раз в 1491—1492 гг., когда «конец мира» перестал связываться с 7000 г.

²¹⁵ КБ-11, л. 194.

²¹⁶ КБ-9, лл. 477—516; ср.: В. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893, Приложения, стр. 75—105.

²¹⁷ КБ-11, лл. 462—483; ср.: В. Истрин. Александрия русских хронографов, Приложения, стр. 110—128.

²¹⁸ КБ-11, л. 502; ср.: Х. Лопарев. Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме. — ПДП, XC. СПб., 1892, стр. 30.

²¹⁹ КБ-22, лл. 510—511 об.; ср.: A. Wesselofsky. Zur bulgarischen Alexander-sage. — Archiv für Slavische Philologie, 1-ter Band. Berlin, 1876, стр. 608—611. — В болгарской рукописи рассказ имеет заголовок: «Слово, како зачалася Самовила»; рассуждения о женщинах здесь нет.

ские возможности, и в то же время подчиняющегося обычным нормам человеческого бытия, действовала на воображение и на нравственное сознание старинного читателя».²²⁰ Особенно сильно привлекал Ефросина один сюжет «Александрии» — хождение Александра в страну рахманов, живущих близ Индии блаженных «нагомудрецов». В одном из своих сборников Ефросин поместил, как мы уже отметили, особую статью «О рахманех»; о рахманах упоминалось и в сербской редакции «Александрии», а к первой хронографической редакции (написанной в ефросиновском сборнике рукой иного писца) Ефросин сделал специальную приписку на полях: «рахмане — Сифово племя, не согрешили богу, близ рая живут...».²²¹ О рахманах рассказывает и в обоих отрывках из Амартола, помещенных Ефросином, а один из них так и озаглавлен: «Слово о рахманах и предивном их житии». Описание блаженной жизни рахманов, содержащееся в этом отрывке, очень любопытно и существенно отличается от текста Амартола: говоря о блаженной жизни рахманов, автор замечает, что у них нет «ни мясоядения, ни соли, ни царя, ни купли, ни продажи, ни свару, ни боя, ни зависти, ни велможь, ни татбы, ни разбоя, ни игр».²²² Образ рахманов, живущих близ рая и не боящихся смерти, в представлениях Ефросина, как и в самой «Александрии», противопоставлялся образу могущественного, но смертного Александра. О «нагомудрецах», которые «смотрят бога на небесах» и потому не предались Александру, повествовала и легенда о неудачной попытке Александра получить живую воду и с ней бессмертие. Неизбежная смерть и страна блаженных в Индии — такое противопоставление станет нам понятным, если мы вспомним, что Ефросин жил в период напряженных эсхатологических чаяний накануне и в момент 7000 (1492) г. и, вероятно, в той или иной степени разделял эти чаяния. Памятником, переписанным Ефросином для сборника игумена Игнатия, был Апокалипсис;²²³ поместив в одном из своих сборников «Сказание об антихристе» Ипполита папы римского, Ефросин выписал на поле: «печать антихриста — 666»;²²⁴ у Ефросина читается специальное сочинение «О часах седми тысяч»²²⁵ и отрывки из «Диоптры» Филиппа, греческого сочинения XI в., часто цитировавшегося в XV в. в связи со спорами о «конце мира».²²⁶ Эсхатологический характер имели и помещенные у Ефросина «Епистолия о неделе»²²⁷ и «Сны царя Шахаиши».²²⁸ С другой стороны, у Ефросина мы читаем «Сказание об Индийском царстве», легендарное послание благочестивого индийского «царя и попа» Иоанна о блаженной Индийской стране, где

²²⁰ Н. К. Гудзий, История древней русской литературы, изд. 6 М., 1956, стр. 155.

²²¹ КБ-9, л. 480.

²²² КБ-11, лл. 483—484; ср.: Хроника Георгия Амартола, стр. 48.)

²²³ Кир.-Бел. 53/1130, лл. 130—155 об. (конец: «Ей, прииди, господе Иусе Христе!»).

²²⁴ КБ-22, л. 468. Ср. КБ-9, л. 262 об.

²²⁵ КБ-22, л. 375 об.; КБ-11, л. 232 об.

²²⁶ КБ-22, л. 205—205 об.; КБ-9, лл. 265 об.—268 об. О «Диоптре» см.: М. В. Безобразова, Заметка о «Диоптре». — ЖМНП, 1893, ноябрь.

²²⁷ КБ-11, лл. 254—261. Опубликовано по этому списку в издании: С. Г. Вилинский, Кирилло-Белозерский список Епистолии о неделе. Одесса, 1903. Об этом памятнике, появившемся уже в VI в. и тесно связанном с еретическими движениями на Западе, см. исследование А. Н. Веселовского «Опыты по истории развития христианской легенды» (ЖМНП, 1876, март, стр. 50—116). Текст Ефросина имеет «точную дату» и указание, что он переведен в 6960 (1458) г., «того году, коли пошел князь велики Иван Василиевич со всем своим воинством на князя Дмитрия Юрьевича на Шемяку» (КБ-11, л. 261).

²²⁸ КБ-22, лл. 338—341 об.; ср.: А. Н. Веселовский, Слово о 12 снах Шахаиши по рукописи XV века.

нет «ни татя, ни разбойника, ни завидлива человека», — произведение, во многом перекликающееся с рассказом «Александрии» о рахманах.²²⁹ Ефросин же поместил, взяв его «от летописца», известное послание новгородского архиепископа Василия Калики епископу тверскому Феодору, где говорится о поныне существующем «на востоце» рае — «а место непроходимо есть человеком, а вокруг его рахмане живут».²³⁰

Но широкое использование и популяризация Ефросином «Александрии» важны не только в связи с теми конкретными ассоциациями, которые мог вызывать у него сюжет этой повести. «Александрия» — памятник, чрезвычайно важный и в чисто литературном отношении. Говоря о специфических особенностях древнерусской литературы, исследователи часто отмечают недостаточное развитие на Руси чисто беллетристических жанров. Положение это верно, но оно нуждается в определенных ограничениях. Феодально-религиозная идеология, осуждавшая «неполезные повести», тормозила развитие светской литературы, однако уже в XV в. на Руси появился ряд оригинальных повестей беллетристического или полубеллетристического характера. Влияние переводной «Александрии» на появление этих повестей несомненно: «Александрия», и именно сербская «Александрия», была ведь типичным средневековым романом, близким к западным рыцарским романам того времени.²³¹

В сборниках Ефросина помещены и два крупных памятника оригинальной русской светской литературы того времени — «Задонщина» и «Повесть о Дракуле». Нам нет необходимости характеризовать здесь эти два хорошо известных произведения; ограничимся только указанием на близость их к интересам Ефросина. В «Задонщине» Ефросина, несомненно, привлекал ее народно-поэтический характер, идущий еще от ее великого прототипа — «Слова о полку Игореве». Уже И. И. Срезневский, познакомившийся с текстом «Задонщины» в КБ-9 сразу же после открытия его Варлаамом, отметил, что искажения текста в этом списке (как и в другом, ранее известном списке XVII в.) таковы, что заставляют предполагать переписывание не с книги или тетради, а по памяти; он пришел к выводу, что «Задонщина» распространялась как былина или сказка — устным путем.²³² Вывод И. И. Срезневского принял и В. Ф. Ржига, исследовавший «Задонщину» по трем новым спискам, неизвестным И. И. Срезневскому.²³³ Предположение об использовании Ефросином при написании «Задонщины» устных источников вполне согласуется с тем, что мы знаем об этом книгописце, сохранившем в своих сборниках такие явно устные памятники, как загадки-притчи, «Слово о хмеле» и др. Тема борьбы с татарским игом была особенно близка Ефросину — мы уже знаем его хронологические записи на эту тему, знаем, что даже библейского Самсона он заставил драться с татарами. Библиографические наклонности Ефросина побудили его сблизить «Задонщину» с близкими ей по характеру

²²⁹ КБ-11, лл. 198—204. Этот список издан в книге: А. Н. Веселовский. Южнорусские былины. СПб., 1884, стр. 251—254. Ср.: М. Н. Сперанский. Сказание об Индийском дарстве. — ИпоРЯС, т. III, кн. 2. Л., 1930, стр. 369

²³⁰ КБ-22, лл. 238—243; ср.: ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 87—89.

²³¹ Именно на сербской «Александрии» строил первую часть своего исследования по истории европейского романа А. Н. Веселовский (А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, вып. I, СПб., 1886, стр. 129—511).

²³² И. И. Срезневский. Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Володимера Андреевича. — Известия Академии наук по отделению русского языка и словесности, т. VI, СПб., 1858, столб. 339—341.

²³³ Повести о Куликовской битве. М., 1959 (серия «Литературные памятники»), стр. 398—400. Ср. рецензию В. П. Адриановой-Перетц: ИОЛЯ, т. XIX, вып. 2, М., 1960, стр. 156—158.

литературными произведениями, каким было «Слово о погибели Руския земли», отрывок из которого вставлен, как известно, в состав «Задонщины» Ефросина.²³⁴

Типично светским литературным памятником была и «Повесть о Дракуле», дважды переписанная Ефросином. Литературное значение этого памятника заключается прежде всего в том, что автор его, может быть впервые в русской литературе, порвал с традиционной трактовкой центрального персонажа либо как благочестивого героя, либо как черного злодея и тем самым предвосхитил «открытие человеческого характера» в русской литературе XVII в. И в этом отношении весьма мало привлекательный Дракула чем-то напоминает центрального героя «Александрии». Александр в «Александрии» — не христианский праведник, которому обеспечено царствие небесное; без всяких душевных мучений он убивает своего учителя и отца — Нектанаву; в образе Александра явно важнее его авантюрно-приключенческие черты, нежели его добродетели. Одно место из «Александрии» даже прямо отразилось в «Повести о Дракуле». Когда Дарий прислал Александру послов, назвав его в грамоте «разбойником и гусаром», Александр решил было убить его послов и сказал им: «Не зазирайте мне о том, но царю своему ругайтесь. Аз бо царя его имам, а он мене разбойником нарече, то и сам главы вам посекал есть».²³⁵ В «Повести о Дракуле» рассказывается, что Дракула сажал недостаточно почтительных послов на кол, говоря им: «Не аз повинен твоей смерти — или государ твой, или ты сам. На мене ничто же рци зла. Аще государь твой, ведая тебе малоумна и ненаучена, послал тя есть ко мне, к великоумну государю, то государь твой убил тя есть».²³⁶ Перекликаясь с близкой Ефросину «Александрией», «Повесть о Дракуле» привлекала Ефросина и с чисто познавательной стороны, как интересный памятник о зарубежных (Валахия, Венгрия, Турция) событиях недавнего времени (середина XV в.).

«Задонщина» и «Повесть о Дракуле» — литературные памятники совершенно различного типа. Но в одном отношении их судьба была схожей. «Повесть о Дракуле» дошла до нас в списке Ефросина; наряду с ним сохранился еще один список этого памятника конца XV — начала XVI в. (ГБЛ, Рум. 358); все остальные списки относятся уже к XVII в.²³⁷ Древнейший список «Задонщины» также принадлежит Ефросину; сохранился один список конца XV — начала XVI в. (ГИМ, № 3045); далее традиция прерывается, и новый список относится уже к концу XVI — началу XVII в.²³⁸ Та же судьба постигла, наконец, и третий памятник, переписанный Ефросином, — «Сказание об Индийском царстве»: и здесь сохранился список Ефросина и его младший современник конца XV — начала XVI в. (ГБЛ, Волок. 309); все последующие дошедшие до нас списки — не ранее XVII в.²³⁹

²³⁴ Ср., например: А. В. Соловьев. Заметки к «Слову о погибели Руския земли». — ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 108 (А. В. Соловьев считает, что Ефросин записал «Задонщину» от гусдаря, соединившего оба текста).

²³⁵ КБ-11, л. 70 об.; Новакович, стр. 44.

²³⁶ КБ-11, лл. 212—213; А. Д. Седелников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 657.

²³⁷ Ср.: А. Д. Седелников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 640—641.

²³⁸ Ср.: В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания. — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 195—197.

²³⁹ На это обстоятельство обратил внимание уже М. Н. Сперанский (М. Н. Сперанский. Сказание об Индийском царстве, стр. 369—370).

Это совпадение в судьбе литературных памятников, переписанных Ефросином, весьма знаменательно. Сборники Ефросина сложились в последней четверти XV в. и носят на себе характерные черты этого времени. Они не вполне одиноки среди рукописной традиции конца XV в. Известное сходство со сборниками Ефросина обнаруживают, например, сборники БАН, 4.3.15 и ГБЛ, Муз. 3271. Оба эти сборника весьма пестры по своему составу; они содержат много церковно-полюемических статей, но наряду с ними и ряд статей, свидетельствующих о любознательности и светских интересах книгописцев. Так, в сборнике БАН читаются «странные притчи», подобные тем, которые помещал Ефросин («твой отец — мой отец, тебе дед, а мне муж...» и т. д.), рассуждение «первую чашу испити — здравию...», «библиографическая» запись об Оригене, Птолеме и других «книголюбцах», апокрифы, заметки географического и исторического характера и т. д.;²⁴⁰ в сборнике Муз. 3271, во многом совпадающем с БАН, 4.3.15, наряду с историческими, географическими, пасхально-астрономическими заметками помещены также отрывки из «Хождения за три моря» Афанасия Никитина.²⁴¹ Еще ближе к ефросиновским сборникам сборник ГБЛ, Рум. 358. Здесь читаются и «естественно-научные» статьи, знакомые нам по сборникам Ефросина, — «О широте и долготе земли», «О стадиях и поприщах» и т. д., «От колих частей Адам создан...», и исторические отрывки и апокрифы («О исповедании Евгине»), и, наконец, «Повесть о Дракуле».²⁴² При этом, судя по тексту «Повести о Дракуле», отличному от текста КБ-11, мы можем говорить здесь не о непосредственном влиянии Ефросина, а именно о принадлежности сборника Рум. 358 к тому же типу рукописей, что и сборник Ефросина. Отражая определенное направление в книгописании XV в., сборники Ефросина отличаются от остальных сборников более последовательно выраженным светским («научным» и литературным) характером, а также тем, что в ефросиновских сборниках (из которых только КБ-11 относится к началу 90-х годов, а все остальные — более ранние по времени) не получила отражения религиозно-общественная борьба конца XV в. (между тем как в БАН, 4.3.15 приведены фрагменты из локаяния еретика Дениса и сочинения еретика Федора Курицына; в ГБЛ, Муз. 3271 — ряд противоеретических сочинений, включая рассказ об испанской инквизиции).

Не позволяя причислить их создателя к какой-либо определенной группе конца XV в., ефросиновские сборники дают основание видеть в нем представителя того широкого направления в русской общественной мысли и литературе этого периода, которое мы можем назвать светским направлением. Характерным представителем этого же направления был, например, Афанасий Никитин. Как и Ефросин, Афанасий Никитин едва ли был еретиком и едва ли даже знал о существовании ереси на Руси (только зарождавшейся в период его отправления в путешествие); как и Ефросин, он отличался прежде всего разнообразными интересами

²⁴⁰ Описание сборника БАН, 4.3.15 см. в книге: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в., стр. 386—388.

²⁴¹ Описание сборника ГБЛ, Муз. 3271 см.: А. Д. Седельников. Рассказ 1490 г. об инквизиции. — Труды Комиссии по древнерусской литературе АН СССР, I. Л., 1932, стр. 36—46. Ср.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в., стр. 388—389.

²⁴² Ср.: А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 508—513; Ф. Буслаяев. Историческая хрестоматия..., стлб. 695—710; А. В. Марков. Памятники старой русской литературы, вып. 1. Тифлис, 1914, стр. 3—6 (замечания составителя сборника о «мятеже» от «неосмысленных мужей А. В. Марков без достаточных оснований толкует как доказательство противоеретического характера сборника).

и жадным вниманием к окружающему миру — к географии, мифологии, обычаям других стран и народов и т. д. Но в отличие от Ефросина Афанасий Никитин мог познакомиться со сказочной Индией не по легендам «Александрии» и «Сказания об Индийском царстве», а на своем собственном опыте. Опыт этот был по временам очень горек, но знакомство с различными вероисповедными обычаями, приобретенное Никитиным в путешествиях, оказало определенное влияние на его мировоззрение: у Никитина появилась, например, мысль о равноценности различных монотеистических религий, которая, несомненно, противоречила религиозным воззрениям, господствовавшим на его родине.²⁴³

Какое место занимало светское направление в русской общественной мысли второй половины XV в., в идеологической борьбе этого периода? Несомненно, что еретическое движение конца XV в. было тесно связано со светским направлением и выросло из него: как и Ефросин, еретики интересовались науками (историей, языкознанием, астрономией), использовали фрагменты античной (Менандр) и нехристианской литературы («Шестокрыл», «Логика» Маймонида — Аль-Газали). Но ересь была лишь крайней, наиболее радикальной формой светского направления. В какой-то мере научными и литературными интересами того времени были затронуты и враги ереси — деятели новгородского Геннадиевского кружка или Волоколамского монастыря, где было переписано, например, «Сказание об Индийском царстве». Как и Ефросин, сподвижники Иосифа Волоцкого интересовались пасхально-астрономическими статьями и эсхатологической литературой. С другой стороны, и сам Ефросин, как мы уже отмечали, был не чужд некоторого интереса к церковно-полемическим вопросам²⁴⁴ и переписывал, например, противоиудейские сочинения. Использование Ефросином некоторых мистических сочинений исихастов²⁴⁵ сближало его и с другим направлением конца XV в., оставшимся в рамках церковной ортодоксии, — направлением Нила Сорского.

Но сходясь с Ефросином в интересе к отдельным литературным памятникам, последователи Иосифа Волоцкого и Нила Сорского расходились с ним в главном. Все они отрицали в принципе занятие «неполезными повестями» и светскими науками, не связанными с богословием. В этом отношении чрезвычайно характерно известное замечание Нила Сорского в послании его сподвижнику Гурию Тушину: «Писания бо многа, но не вся божественна суть». В другом месте нам уже приходилось доказывать, что слова эти, традиционно понимаемые в историографии как протест против некритического использования иосифлянами «святоотеческой» и апокрифической литературы, никакого отношения к Иосифу Волоцкому и иосифлянам не имеют: послание написано в конце 70—начале 80-х годов XV в., когда не только не было никакого особого иосифлянского направления, но даже сам монастырь Иосифа только начал создаваться.²⁴⁶ Предостерегая против чтения не-«божественных» писаний, Нил стремился уберечь Гурия от опасности «заблудити от истиннаго пути». Какую литературу имел в виду Нил? Крайняя опасность «заблуждения» — это, конечно, ересь, но путь к ней вел через чтение не-«божественной» литера-

²⁴³ Ср. подробнее нашу статью «Афанасий Никитин и некоторые вопросы русской общественной мысли XV в.» в кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина, изд. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958 (серия «Литературные памятники»), стр. 136—138.

²⁴⁴ Ср. также статью о различных ересьях (древних): КБ-11, лл. 355 об—357.

²⁴⁵ «Что есть образ иноческого жительства» Григория Синаита (КБ-22, лл. 266 об.—267); «Святаго Нила о безстрастии души и тела» (КБ-22, л. 288/2).

²⁴⁶ Ср. нашу статью «К вопросу об идеологии Нила Сорского» (ГОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 204—205).

туры. Трудно не вспомнить здесь человека, который в то же самое время в том же самом Кирилловом монастыре переписывал сборники, обильно содержавшие «ложные» и «злые» сочинения, «басни и кощюны» и такие произведения, которых нельзя было читать «в зборе» и «являть» многим.

Связь между чтением не-«божественной» литературы и опасностью «заблуждения от истинного пути», очевидно, понималась многими идеологами господствующей церкви. Именно поэтому разгром ереси в начале XV в. оказался роковым событием и для всего светского направления в русской литературе. Изучая многочисленные рукописные сборники XVI в. (и именно «четьи» сборники, предназначенные для чтения, а не для богослужебных нужд), мы ощущаем всю глубину различия между ними и ефросиновскими сборниками. Принцип «писания многа, но не вся божественна суть» восторжествовал. В сборниках Гурия Тушина, Нила Полева, Вассиана Кошки, Феодосия, Нифонта Кормилицына, будущего митрополита Макария и других книгописцев XVI в. мы не найдем ни светских повестей, ни «басней и кощюнов», ни научных статей ефросиновских сборников. Наряду с уже перечисленными памятниками русской литературы из рукописной традиции XVI в. выпало и «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

Идеологические сдвиги начала XVI в. означали не только поражение ереси как одного из религиозно-общественных движений, но и победу господствующей феодально-христианской идеологии над всеми противостоящими ей силами. Укрепившаяся в XVI в. религиозная идеология была идеологией крайне нетерпимой и не допускавшей никаких шатаний и «сумнений». Светская научно-познавательная и художественная литература, отразившаяся в сборниках Ефросина, должна была исчезнуть со страниц рукописных сборников. Она исчезла более чем на столетие, пока новые общественные сдвиги XVII в. не привели к возрождению научных и литературных интересов на Руси.
